

0-755455

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Кусаль Кишиштоф Чеславович

РУССКО-ПОЛЬСКАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ И ПАРОНИМИЯ

Специальность 10.02.03 – славянские языки

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

**Санкт-Петербург
2006**

К. Кусаль

Работа выполнена на кафедре славянской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты:

*доктор филологических наук,
профессор*
*доктор филологических наук,
профессор*
*доктор филологических наук,
профессор*

Норман Борис Юстинович

Богданов Валентин Васильевич

Сидоренко Константин Павлович

Ведущая организация:

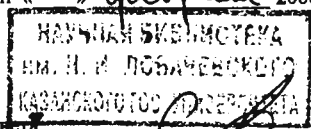
Псковский государственный
педагогический институт

Защита состоится «24» марта 2006 г. в 16 часов на заседании диссертационно-
го совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора
наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу:
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, филологический факультет
СПбГУ.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-
Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «24» *сентября* 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

доц. С.А. Гверина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Достижения современной русской и польской лексикологии и фразеологии связаны с активным процессом системного изучения лексических и фразеологических единиц в самых разных аспектах: исследуется семантическая структура и семантическая типология, грамматика, процессы слово- и фразообразования, функционирование лексических и фразеологических единиц в языке и речи, синтаксические свойства фразеологизмов, системное взаимодействие их единиц этих единиц с другими уровнями языка, место и роль лексики и фразеологии в общей языковой картине мира. При этом межъязыковое сопоставление становится одним из наиболее эффективных методов выявления национальной специфики русской и польской языковой системы.

Реферируемое диссертационное исследование посвящено анализу явления так называемой межъязыковой омонимии и паронимии на материале современного русского и польского языков.

Интерес к этой проблеме в последнее время значительно возрос. Это обнаруживается как в публикации теоретических статей на названную тему, так и в издании специальных словарей, сохраняющих, как правило – в том или ином виде – наименование „ложные друзья переводчика” (напр., Акуленко 1969; Муравьев 1985; Lipczuk 1995 и др.). Речь идет о языковых единицах, совпадающих или близких по звучанию, но далёких друг от друга по значению, например: *рус. – польск.: гадать – gadać, обделить – obdzielić; грач – gracz, качка – kaczkа, жуткий – rzutki, конечный – konieczny; раз – raz, лихо – лихо; чеш. – польск.: szukać – szukać, obluda – obluda, přítomný – přítomny, právě – prawie; серб. – польск.: ljubiti – lubić, obraz – obraz, lepší – lepszy, sporo – sporo* и т.п.

Так называемые *ложные друзья переводчика* привлекают внимание лексикографов уже потому, что именно они, будучи источником переводческих ошибок, являются камнем преткновения при передаче текста с одного языка на другой и создают иллюзию взаимопонимания при фактическом отсутствии такового.

Следует отметить, что для контактирующих родственных славянских языков проблема лингвистического исследования и лексикографического описания межъязыковой омонимии – одна из сложных задач, ибо уже само определение объема омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) и разграничение омонимов является необычайно трудным. Единого, общепринятого определения омонимов до сих пор нет. В литературе приводятся десятки разных определений, «общими для которых является лишь признание тождества языковых единиц в плане выражения и различия их в плане содержания» (Малаховский 1990). По-разному, например, решается вопрос о том, следует ли относить к омонимам только слова или также единицы других языковых уровней. В результате одни исследователи сужают данное явление до межлексического тождества, другие, наоборот, расширяют его до практически неограниченного круга межъязыковых созвучий разного языкового уровня.

Открытым до сих пор является также вопрос о месте и статусе межъязыковой омонимии в языковой системе.

Вопросы межъязыковой лексической омонимии в русском и польском языках изучены недостаточно, хотя они относятся к числу важнейших проблем сопоставительного анализа этих языков.

Актуальность выполненного нами исследования определяется тем, что, хотя многоаспектное сопоставление лексических составов близкородственных языков в последнее время ведется по разным направлениям, русская и польская лексика, совпадающая в плане выражения, но семантически неадекватная, остается пока еще недостаточно изученной. Почти полностью отсутствуют в российском и польском языкознании работы, в которых бы последовательно и детально анализировались явления межъязыковой омонимии и паронимии в славянских языках. Среди немногих подобных исследований можно назвать лишь несколько работ: статью П.П. Шубы (Шуба 1975), где затрагивается проблема белорусско-русской межъязыковой омонимии и паронимии, диссертационные исследования И.С.Ровдо (Минск, 1980), Н.В.Заславской (Киев, 1985) и Е.В.Федорчук (Москва, 2001). Из польских исследований следует отметить труды З.Гросбарта (Grosbart 1983), Р.Липчука (Lipczuk 1979; 1988; 1992), Э.Токажа (Tokajz 1999), Е.Калишана (Kaliszan 1996; 1997), П.Стасиньской (Stasińska 1988) и М.Беднаж (Bednarz 1998; 1999; 2000). Обзор литературы вопроса показывает, что русский и польский языки пока еще не подвергались ни масштабному лингвистическому анализу, ни подробному лексикографическому описанию. Настоящая работа и является попыткой заполнить этот пробел в русской и польской лексикологии и лексикографии.

Явление межъязыковой (как и внутриязыковой) омонимии заслуживает специального внимания и потому, что связано с глобальными проблемами языкознания – принципом (законом) экономии (в данном случае – принципом экономии в сфере звуковых оболочек слов).

Таким образом, **актуальность** реферируемого исследования обусловлена:

- 1) важностью изучения структурных и семантических свойств русско-польских омонимов и паронимов, выявления объективных критериев и принципов разграничения омонимических и паронимических рядов, а также установления взаимосвязей между лексической омонимией/паронимией и полисемией, синонимией и вариантностью;
- 2) недостаточной освещенностью проблемы межъязыковой омонимии и межъязыковой паронимии близкородственных языков в современной сопоставительной лексикологии;
- 3) диффузностью статуса этого понятия, вызывающей терминологический разнобой в лингвистической литературе;
- 4) значимостью результатов анализа данных явлений для теории лексической и фразеологической семантики как русского, так и польского языков, а также для общей типологии всех славянских языков;
- 5) непосредственной связью темы диссертационной работы с проблематикой интерференции и транспозиции, с теорией и практикой перевода и вопросами двуязычной лексикографии.

Цель и задачи работы. Основной целью исследования является описание частичного состава в сфере русско-польских межъязыковых омонимов и паронимов, структурно-семантический и функциональный анализ русско-польских межъязыковых омонимов и паронимов в синхронном аспекте в системе всех знаменательных частей речи. Указанной цели в работе подчинены следующие задачи:

- 1) осуществить теоретический обзор содержания, критериев и принципов выделения межкультурных омонимов, проанализировать существующие классификационные подходы в сопоставительных семасиологических исследованиях;
- 2) определить степень охвата русского и польского языков омонимическими отношениями и степени распространения разных типов межкультурных омонимов.
- 3) выявить частеречный состав в сфере русско-польских омонимов и паронимов и определить формальные (в плане выражения) и смысловые (в плане содержания) границы между межкультурными омонимами с одной стороны, и межкультурными паронимами с другой стороны;
- 4) выявить (с максимальным учетом всех объективных данных – фонетических, словообразовательных, семантических) набор дифференциальных признаков (сем) в структуре современных лексических значений русских и польских межкультурных омонимов и паронимов.
- 5) выявить и описать разряды гомогенных и гетерогенных межкультурных омонимов и представить их типы по признакам формальной вариативности;
- 6) исследовать семантическую структуру русско-польских межкультурных омонимов и паронимов и описать типы семантических отношений в сфере межкультурной омонимии и паронимии.
- 7) очертить идеографические зоны наиболее частотного функционирования русско-польской омонимии.
- 8) определить пути усвоения иноязычных по происхождению омонимических единиц в русском и польском языках;
- 9) составить свод русско-польских межкультурных омонимов/паронимов и сформулировать принципы построения русско-польского словаря межкультурных омонимов

Методы исследования. Цели и специфика описываемого материала определили выбор методов исследования. Для достижения поставленной цели и решения указанных задач в работе использовался общеметодологический системный подход и частные научные методы:

- описательный метод, позволивший передать специфику омонимических отношений в лексике и фразеологии;
- сравнительно-сопоставительный метод, который применялся при выявлении дифференциальных признаков межкультурных омонимов и паронимов разных типов;
- дистрибутивный и контекстуальный методы, давшие возможность изучить сочетаемость русско-польских омонимов.

Кроме указанных, мы применяли метод семантической идентификации, который использовался при передаче значений омонимов.

Материал исследования Фактический языковой материал составляют слова, извлеченные из толкового Словаря русского языка в 4-х томах (МАС – М., 1981 - 1984), толкового Словаря польского языка в 3-х томах под редакцией М.Шимчака (SJP – Варшава, 1998), Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И.Молоткова (ФСРЯ – М., 1986), Большого фразеологического словаря польского языка (WSF – Warszawa, 2004). В процессе исследования привлекались также данные других современных лексикографических источников.

Объектом данного исследования явились 1400 пар межъязыковых русско-польских соответствий омонимического и паронимического характера, относящиеся к знаменательным частям речи. Исследованию подвергались, главным образом, те межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы, которые генетически родственны, то есть восходят к одному этиму. Общая рабочая картотека насчитывает около 2500 пар межъязыковых русско-польских омонимов и паронимов в системе знаменательных и служебных частей речи.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые:

- в русской и польской лингвистической науке проводится комплексное изучение и сопоставительное описание структурных, семантических и функциональных свойств русско-польских межъязыковых омонимов/паронимов;
- определены и описаны способы разграничения явлений межъязыковой омонимии, с одной стороны, и межъязыковой паронимии – с другой;
- описан частеречный состав межъязыковых омонимов в русском и польском языках и их семантическое своеобразие в лексико-семантических системах обоих языков;
- установлены типы различных межъязыковых омонимов в плане выражения и в плане содержания;
- описаны источники и механизмы возникновения межъязыковых омонимов с учетом собственно лингвистических и экстралингвистических предпосылок; указано их отличие от омонимов и паронимов внутриязыковых;
- категория межъязыковой омонимии впервые характеризуется с учетом переходных явлений; в составе межъязыковых омонимов предложено разграничение омонимов *закономерных* и *случайных*;
- описаны принципы построения большого словаря межъязыковых омонимов.

Закономерности, выявленные в результате анализа русско-польских омонимов, имеют как теоретическое, так и практическое значение.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведенное в ней исследование русско-польской межъязыковой омонимии и паронимии представляет собой определенный вклад в теорию семасиологии, ономазиологии и межъязыковых контактов, а также в методику сопоставительного изучения лексической семантики родственных языков. Полученные результаты могут быть использованы для определения общих закономерностей существования омонимических отношений в русском и польском языках.

Данные о закономерностях существования межъязыковых омонимических отношений, специфических чертах этих отношений и типах межъязыковых омонимов уточняют и расширяют представление об омонимии как языковом явлении.

Межъязыковые и внутриязыковые омонимы и паронимы имеют общие признаки. Языковые средства различения межъязыковых омонимов могут быть использованы при выявлении и квалификации внутриязыковых лексических омонимов и их типов, а также при их лексикографической экспликации.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации и ее выводы могут быть использованы в вузовских теоретических курсах по славянскому сравнительному языкознанию и по проблеме двуязычной лексикографии. Сопоставительно-типологическое исследование подсистем русского и польского языков способно стать фрагментом общего типологического описания славянских языков. Материал исследо-

вания может быть использован при составлении сравнительного словаря славянских языков, при изучении курса контрастивной лексикологии.

Исследование представляется актуальным и для глоттодидактики – обучения русскому и польскому языкам в вузах (и школах) России и Польши. Данные исследования могут быть использованы в преподавании курса русского и польского языков, при проведении спецсеминаров и спецкурсов по фразеологии и субстандартной лексике. Особое значение полученные в диссертации результаты могут иметь для практики перевода – как художественного, так и устного.

И, наконец, материалы *Приложения 1* могут послужить источником для составления полного свода лексических и фразеологических русско-польских межъязыковых омонимов/паронимов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены автором в докладах на ежегодной Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов филологического факультета СПбГУ (2001, 2005), на международных научных конференциях, проходивших в Брно (*Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí*, Brno 2002), в Ополе (*Frazeografia słowiańska*, Opole 2001), в Щецине-Грайфсвальде (*Słowo. Tekst. Czas. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Nowa frazeologia w nowej Europie”* (Szczecin 6-7 września 2001 r., Greifswald 8-9 września 2001 r.) и во Вроцлаве (*Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. Opis, konfrontacja, przekład*, Wrocław 2002, 2004). По теме работы опубликована монография, 12 статей и словарь. Основные положения и результаты исследования обсуждались на фразеологическом семинаре СПбГУ, а также на заседании кафедры славянской филологии филологического факультета СПбГУ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Среди русско-польских лексемных межъязыковых параллелей, тождественных или сходных в плане выражения, но различных в плане содержания, необходимо разграничивать две категории – межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов.
2. Специфика межъязыковых омонимов и межъязыковых паронимов заключается в том, что они могут находиться в семантических отношениях дизъюнкции (исключения), конъюнкции (включения) и пересечения.
3. Межъязыковая омонимия, так же как и внутриязыковая, может возникать по крайней мере тремя путями: а) вследствие *семантической дивергенции* (распад полисемии); б) в результате *фонетической конвергенции*; в) благодаря *заимствованию или образованию новых слов*.
4. Русско-польские омонимы, принадлежащие к разным семантико-грамматическим классам, различаются категориальным и индивидуальным значением.
5. Межъязыковая омонимия/паронимия наблюдается не только на лексическом, но и на других уровнях языковой структуры.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и списка лексикографических источников. Завершает работу Указатель русско-польских межъязыковых омонимов и паронимов (Приложение 1). Интегральной частью работы является Русско-польский словарь межъязыковых омонимов (Приложение 2).

В первой главе «Межъязыковая омонимия и ее лингвистический статус» рассматриваются общие вопросы теории омонимии (§1), анализируются различные точки зрения на явления внутриязыковой и межъязыковой омонимии, представленные в лингвистической литературе, дается определение основных понятий, принятых в работе в качестве ее теоретической базы (§2). Кроме того, в главе исследуются проблема классификации омонимов разных типов, в том числе – омонимов межъязыковых, определены критерии и принципы выделения межъязыковых омонимических единиц на синхронном срезе, описаны источники их появления, определены границы между межъязыковыми омонимами и межъязыковыми паронимами (§3).

Проблема омонимии, поднятая еще в эпоху позднего средневековья, является предметом пристального внимания лингвистов и в настоящее время. При этом в лингвистических исследованиях термин *омоним* часто не имеет устойчивого содержания. В языкознании существует две разновидности определений омонимов, различия между которыми выражаются в том, что признается существенным при характеристике омонимии. В определениях омонимов (как лексических, так и фразеологических) в качестве дифференциальных признаков называются тождество формы и различие значений. Во всех „семантических” определениях подчеркиваются семантические различия: “Омонимы – слова, имеющие разное значение и одинаковый звуковой состав” (А.Н.Гвоздев). “Омонимы – это слова, одинаковые по звучанию, но разные по смыслу” (Р.А.Будагов). Недостаток такого рода определений состоит в том, что остается неясным, каким должен быть характер семантических различий, поскольку для многозначности тоже показательны разные значения.

Для большинства авторов, исследующих проблему омонимии, характерен *семанτικο-грамматический* подход. Среди них О.С.Ахманова, В.В.Виноградов, А.А.Реформатский, А.И.Смирницкий, Д.Буттлер, Э.Гродзински и другие. При таком подходе первостепенная роль при разграничении омонимов принадлежит семантическому критерию, грамматические различия выступают на первый план в случаях отнесенности однозвучных образований к разным частям речи либо в случаях несовместимости морфологической структуры. Дискуссионными внутри обозначенной проблемы являются вопросы природы омонимии, источников и механизма образования омонимов, критериев разграничения полисемии и омонимии, типов омонимов. Для решения проблемы омонимии существенными являются вопросы, связанные с семантикой языковых единиц. Категория значения в лингвистике не получила однозначного толкования. Свидетельством этого является наличие не только разных подходов к определению значений языковых единиц, разные классификации значений, но и стремление структурировать значение с целью прояснения в его сущность (имеется в виду смысловой компонентный анализ).

Многогранность и многоаспектность омонимии не позволяет современным лингвистам дать ей единую трактовку, предложить единую и всеобъемлющую классификацию. Данная проблема поэтому по-прежнему остается одной из наиболее актуальных в языкознании, о чём свидетельствуют опубликованные за последние два десятилетия работы, в которых рассматриваются следующие проблемы:

- типология омонимов и пополнение их классификаций (Л.А.Введенская, М.Ф.Палевская и др.);

- разграничение омонимии и полисемии, подача омонимов в словарях (В.М.Абаев, М.М.Фолькович, Н.М.Шанский и др.);
- вопрос о включении морфемной омонимии в грамматическую, что расширяет представление о границах грамматической омонимии (А.Б.Аверьянова, А.И.Васильева и др.);
- описание омонимии синтаксических конструкций (Н.Н.Гвоздев, Н.П.Колесников и др.);
- проблема машинного перевода и омонимии (Ф.А. Дрейзин, Л.Н. Иорданская и др.);
- вопрос об устранении омонимии (Б.С.Мучник, Н.П.Колесников и др.).

На сегодняшний день описаны основные группы омонимов, созданы их классификации, отражающие многогранность и сложность данного явления. Наиболее остро стоит вопрос о характеристике фактов, иллюстрирующих грамматическую омонимию. Об этом говорят многочисленные работы А.С.Дымского, О.М.Ким, Н.П.Колесникова, Ю.С.Маслова, Б.С.Мучника, М.И.Фоминой, Н.М.Шанского и других учёных. Так, О.М.Ким отмечает, что "омонимия на уровне частей речи – одна из наименее изученных и наиболее сложных проблем" (Ким 1980).

Интерес к изучению омонимии, ее происхождению и развитию в отдельных языках, в семьях и группах родственных языков, то разгорался, то затухал, но никогда не исчезал полностью (Виноградов 1960). Это объясняется тем, что явление омонимии многоаспектно и требует всестороннего языкового анализа.

В восточнославянском языкознании процесс разработки теории омонимии имеет давние традиции и связан с именами таких ученых, как М.В.Ломоносов, Н.И.Греч, Я.К.Грот, Л.А.Булаховский, С.О.Карцевский, Л.В.Щерба, В.В.Виноградов, А.И.Смирницкий, О.С.Ахманова, Н.М.Шанский, Н.П.Колесников, Ю.С.Маслов, М.И.Фомина, И.С.Тышлер, А.Я.Шайкевич Л.В.Малаховский и многих других.

В современной науке о языке общепризнано, что омонимия – абсолютная универсалия. Наличие омонимов в языке обязательно и закономерно, глубоко обусловлено как физиологически (действием принципа экономии в системе звуковых оболочек слов), так и самой природой языка как системы, в частности – существованием в языке категорий симметрии и асимметрии. Парные категории симметрии и асимметрии признаются ныне атрибутами любых объектов-систем. Языковая система не является исключением.

Симметрия в данном случае понимается как совпадение признаков сопоставляемых объектов, в пределе – как их тождество. Асимметрия – необходимое дополнение симметрии, несовпадение и различие сравниваемых объектов по каким-либо признакам. Вариантность слова, как в плане выражения (ПВ), так и в плане содержания (ПС), как известно, является проявлением асимметричного дуализма языкового знака, сформулированного С.О.Карцевским. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знака лингвистическая система может эволюционировать" (Карцевский 1965).

Закономерный и универсальный характер омонимии в языковой системе подчеркивали (на разных ее уровнях – от фонетического до синтаксического) Л.А.Булаховский, Ю.С.Маслов, И.П.Иванова, Л.В.Малаховский и другие исследователи.

Известно, что семантические изменения в языке более многочисленны и разнообразны, чем фонетические. В одних случаях в процессе развития языка наблюдается обогащение, усложнение семной структуры слова, а в других – устранение каких-либо сем (Куз-

нецова 1985; Черемисина 1992). Новые значения могут возникать на основе исходного значения (радиация), либо развиваться последовательно одно из другого (катенция). Обычно в истории семантического развития того или иного слова сочетаются оба процесса.

В то же время возможны и исчезновения отдельных значений. При этом устарению могут подвергаться как исходные значения слов, так и производные, как появившиеся в результате радиации, так и возникшие в результате катенции. Следствием выпадения какого-либо звена в семантической структуре слова становится разрыв смысловой связи между другими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) и возникновение слово-омонимов (Новиков 1982; Малаховский 1990). Омонимы, возникшие в результате распада полисемии, как известно, довольно многочисленны в русском языке; ср.: *брань* 'ругань' и *брань* 'война, битва', *долг* 'обязанность' и *долг* 'взятое взаймы'.

Безусловно, омонимизация первоначальных словоупотреблений – процесс, требующий немалого времени. На любом этапе мы встречаем в языке различные омонимы, представляющие к тому же разные стадии развития – омонимы *частичные* и *полные*, окончательно сформировавшиеся и находящиеся в процессе становления (Пророкова 1960, 790). Не случайно категория омонимов связана с фактором времени больше, чем иные лексические категории (Трубачев 1985).

Таким образом, благодаря *неизбежности* языковых изменений, с одной стороны, и *случайному* характеру многих их результатов – с другой, появление омонимов в языке оказывается (с точки зрения социально-коммуникативной) всегда закономерным: слова, пусть и совпадающие в ПВ, могут быть необходимыми для общения, для коммуникации. Заимствованное слово, оказавшееся омонимичным по отношению к некоему исконному слову либо иному заимствованному (в более ранний период или из другого языка) становится „равнозвучным” словом-омонимом не случайно: как правило, заимствование подчиняется формам заимствующего языка, а отсюда – его фонетическим законам. Именно ассимиляция уподобляет заимствованное слово исконному.

Таким образом, появление нового слова-омонима из сферы чужого языка (либо иного диалекта, говора) является, с точки зрения социальной, – коммуникативной необходимостью. Что же касается звучания заимствуемого слова, то это звучание лишь *случайно* может совпасть с „однозвучным” русским словом. Совпасть, как правило, в одной какой-либо форме (словоформе). И совпадение это обусловлено, в свою очередь, действием фонетических законов, а не законов семантических. Отдельные иноязычные слова при фонетической адаптации могут значительно видоизмениться и совпасть по своему внешнему облику с лексемой языка-рецептора, расширяя тем самым круг гетерогенных омонимов. Здесь теоретически возможно одновременное действие фонетических законов русского языка и фонетических законов *ассимиляции* иноязычного слова более привычному „обрусевшему” звуковому облику (Мякишев 1996).

Как известно, омонимия наблюдается не только среди слов непроизводных, но и среди слов производных. При этом нарушения во внутрисловном плане (имеется в виду многозначное слово) языковой мотивированности отдельных ЛСВ (значений), то есть утрата между отдельными ЛСВ семантической связи, находит обычно выражение во внешнесловном плане. В словообразовании данное явление также находит отражение – в формировании у бывших ЛСВ одного многозначного слова, а ныне – у омонимов, закономерно возникших в результате распада полисемии, – различных семантически не

соотносительных гнезд слов. Ср. *бумага I – хлопчатобумажный, бумагопрядение, бумагопрядильный, бумагопрядильня, бумажник* ('работник бумажной фабрики'), *бумаза, бумазейный и бумага II – бумажка, бумажный, бумажник* (для документов и денег), *бумагомарание, бумагомаратель, бумагомарка* и т.п. (Новиков 1982).

Признание универсальности омонимии, таким образом, позволяет утверждать, что омонимия не может рассматриваться как „дефект” или „болезнь” языка, а представляет одно из его фундаментальных свойств, „которое должно приниматься во всех теоретических концепциях языкознания, а также при решении различных прикладных задач” (Малаховский 1990). Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на признание омонимии фундаментальным свойством языка, мнения ученых по поводу *полезности – вредности* омонимии весьма неоднозначны.

Разнобой во мнениях представлен в трудах, посвященных проблеме омонимии в индоевропейских языках. Так, по мнению Р.А.Османовой, невозможно передать все „многообразие жизни, мысли” несколькими десятками звуков, поэтому омонимия – „естественный процесс в языке” (Османова 1962). Данное суждение о необходимости омонимов в языке, их „безвредности”, является характерным для *большинства* восточнославянских и польских лингвистов. Так, Л.В.Булаховский, Р.А.Будагов, Ю.С.Маслов, И.С.Тышлер и др. оценивают омонимию как „безвредное” для понимания смысла сказанного явление, а некоторые лингвисты даже считают ее „позитивным явлением”, способствующим компактности языка, позволяющим экономить единицы плана выражения (ПВ) (Маулер 1983).

Безусловно, омонимия способствует экономичности ПВ, „компактности” языка, но вряд ли можно согласиться с оценкой данного явления как „позитивного”: даже в европейских языках, и в частности русском, омонимия, нарушая „закон знака”, может вызывать затруднения в процессе коммуникации. Как в свое время справедливо заметил А.А.Реформатский, „омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться” (Реформатский 1967). Подобное мнение высказывают И.Г.Васильева, Л.В.Малаховский, Н.П.Колесников: омонимия стирает формальные различия между знаками с различным содержанием, поэтому она снижает эффективность языка как средства коммуникации (Васильева 1969; Малаховский 1990; Колесников 1995).

Подход к омонимии с позиции *вредности – полезности* данного явления для процесса коммуникации, на наш взгляд, не раскрывает сущности самого явления, приводя некоторых ученых к мысли о том, что омонимы представляют собой „своеобразный дефект языка” (Гвоздев 1952). Вместе с тем возможно и „оправдание” омонимии. Это становится очевидным при учете двух моментов: во-первых, того, что омонимия может „сниматься” конситуацией (омонимы всегда выводят нас в новую ситуацию как элемент языковой картины мира). С другой стороны, именно эта обращенность омонимов к различным языковым „мирам” определяет возможности и своеобразие их стилистического использования – например, как способ создания каламбуров.

Признавая факт, что наличие омонимов (как и полисемов) в ряде случаев может помешать процессу коммуникации, мы считаем, что возникновение омонимов в языках является одним из проявлений их коммуникативной необходимости, связанной с принципом экономии звуковых оболочек. Как следствие недостатка означающих или, иначе,

как проявление закона „наименьших усилий” омонимия характеризуется многими авторами (напр., Малаховский 1990).

Вслед за Р.А.Будаговым, Р.А.Османовой, Н.В.Черемисиной, Н.С.Новиковой, А.П.Критенко, автор настоящего исследования полагает, что *глубинная причина* появления омонимов – *принцип экономии* в сфере плана выражения языка. Звуковые (фонетические) совпадения совершенно различных слов происходят потому, что в любом языке количество звуков сравнительно ограничено, тогда как слов бесконечно много (Будагов 1958; Османова 1962).

Обратимся к определению и уточнению понятия лексической омонимии. Что же такое омонимы, омонимия как языковое явление?

Общепринятого определения омонимов до сих пор нет, хотя в лингвистической литературе приводятся десятки различных определений, общим элементом которых является лишь признание тождества языковых единиц в ПВ и различие их в ПС (Фомина 1990). Под тождеством означающих чаще всего понимают тождество звучания омонимичных пар, “внешней звуковой” формы слов (Смирницкий 1948), их “звукового строя” (Виноградов 1960), “внешнее совпадение по звуковой оболочке” (Ахманова 1957).

Некоторые лингвисты включают в число омонимов только слова, имеющие два формальных признака омонимии – фонетическое и графическое тождество означающих (Шанский 1964; Арнольд 1973). Подобная позиция для нас неприемлема, ибо разные в ПС слова могут совпадать либо в звуковом (омофоны) либо в письменном (омографы) варианте, либо по звучанию и написанию (лексические омонимы, омоформы). Мы считаем, что наличия одного из формальных признаков ПВ (при расхождении в семантике) достаточно для признания существования омонимичных отношений между словами.

Существенной особенностью омонимов (как внутриязыковых, так и межязыковых) является их соотносительный характер. По общему признанию, слово попадает в категорию омонимов лишь в том случае, когда оно соотносится с каким-либо другим словом (омонимичная пара) или словами (омонимичный ряд), имеющими такую же форму, но другое значение.

В ряде работ отечественных и западноевропейских лингвистов термин „омонимия” употребляется в широком значении, как синоним слова омофония (Балли 1955; Блумфилд 1968; Смирницкий 1948 и др.). Омонимией в широком смысле слова называют „одинаковое произношение нетождественных одноименных значимых языковых единиц любого характера (одинаковых или разных по происхождению и написанию, совпадающих в произношении во всех или не во всех формах): минимум двух приставок, корней, суффиксов, окончаний, слов или словоформ, фразеологических оборотов, свободных или синтаксически несвободных словосочетаний, предложений. Омонимия, как и паронимия – лишь часть омофонии, то есть всегда одинаково произносимое в языке” (Данилов 1972).

Как видим, омонимия, понимаемая в широком значении данного термина, может быть самой разнообразной:

- **лексической** (лексические омонимы, например: *лисичка* I - ‘гриб’- *лисичка* II (уменьш.-ласк. к слову *лиса*), *свет* I ‘вселенная’ – *свет* II ‘лучистая энергия’);
- **морфологической** (ср. омоформы, например: *техника* ‘совокупность средств труда’ и *техника* род. падеж ед. числа от слова *техник* ‘специалист со средним техническим образованием’);

- фонетической (омофоны, например: *плот* – *плод*);
- графической (омографы, например: *виски'* – *ви'ски*, *стои'т* – *сто'ит*);
- словообразовательной (словообразовательный тип, как известно, определяется производностью/непроизводностью омонимов: *мир*¹ и *мир*² – непроизводные омонимы, состоящие из одного корня, *наметать*¹ и *наметать*² – производные омонимы, включающие в свой состав аффиксы);
- синтаксической (например, *редакции* (им. падеж мн. числа) *отвечают* – *редакции* (дат. падеж ед. числа) *отвечают*).

В центре нашего внимания будут, главным образом, лексические омонимы как некая псевдосемантическая парадигма слов. Мы ограничиваем применение термина „омонимы” лексемами, семемами (при сопоставлении слов двух языков с разными семантическими объемами). В широком смысле сюда относятся и омоформы, то есть межъязыковые соответствия с совпадением части словоформ.

Разграничение *полной* и *частичной* омонимии, давно предложенное Б.Трыкой (1931), широко применяется в современной лингвистической литературе. Собственно лексическая омонимическая парадигма может быть полной или неполной. Полные лексические омонимы – это „разные по своей семантической структуре, а иногда по морфологическому составу, но тождественные по звуковому строю во всех формах слова” (Виноградов 1960). Полнота/неполнота омонимов определяется тем, входят ли они целиком или частично в грамматическую парадигму, то есть, охватывает ли лексическая омонимия *все* ряды словоформ одного и того же слова.

К неполным омонимам, например, относятся псевдосемантические системы типа: *рак* I ‘членистоногое’ и *рак* II ‘болезнь’, где второй омоним не обладает формами множественного числа; *заставить* I ‘обставить мебель’ – *заставить* II ‘принудить’; здесь второй омоним не имеет причастных страдательных форм.

Исходя из известного постулата О.С.Ахмановой о том, что “если несовместимыми оказывается значения хотя бы в одной морфологической части сравниваемых единиц, их следует считать омонимами” (Ахманова 1986), можно сделать вывод: омонимия, обуславливается семантической несовместимостью либо основной, либо формальной части. Полный словарь омонимов поэтому должен фиксировать не только традиционно выделяемые группы омонимов, но описывать разнообразные типы омонимов-омоформ.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что несмотря на разные критерии, которые берутся за основу при классификации омонимов, существует традиционный взгляд на омонимию, позволяющий выявить общие черты в классификациях: омонимия как явление понимается достаточно широко. При этом все омонимы делятся на четыре типа: лексические омонимы, фонетические омонимы (омофоны), графические (омографы), лексико-грамматические (омоформы).

По аналогии с выделением в рамках одного языка лексических омонимов, омофонов, омографов, можно говорить и о подобных разновидностях межъязыковых соответствий омонимичного характера.

В заключение отметим, что процесс разработки теории русской омонимии включает два основных этапа.

Первый (XVIII – XIX вв.) характеризуется вниманием ученых к отдельным фактам омонимии, стремлением к накоплению подобных фактов, а также преобладанием

орфографического аспекта в их описании и трактовке (М.В.Ломоносов, Н.И.Греч, Я.К.Грот и др.).

Второй этап развития теории омонимии – это этап многоаспектного осмысления данного явления и создания научно обоснованных классификаций, учитывающих семантико-грамматические, фонетико-акцентологические признаки омонимичных словоформ, особенности их функционирования в речи (Л.А.Булаховский, В.В.Виноградов, А.И.Смирницкий, О.С.Ахманова, Н.М.Шанский, М.И.Фомина, Н.П.Колесников, Ю.С.Маслов и др.). Вторая половина XX в. характеризуется более детальным рассмотрением грамматической омонимии: исследуется ее языковая природа, истоки появления и многочисленные формы проявления в русском языке. Безусловно, данные этапы в развитии лингвистической теории оказали непосредственное влияние на развитие методики обучения русскому (родному) языку.

В § 2 настоящего исследования речь идет о понятии межъязыковой омонимии в контрастивной лексикологии.

Омонимия как универсальное языковое явление не ограничивается системой одного языка и, выходя за его пределы, становится межъязыковым явлением. Следовательно, не только дефиниции внутриязыковых и межъязыковых лексических (и фразеологических) омонимов оказываются сходными, но одинаков комплекс решаемых проблем.

Понятие межъязыковой омонимии, как известно, является спорным. Для контактирующих языков проблема лингвистического исследования и лексикографического описания этого явления – одна из сложных задач. Прежде всего, уже само определение объема омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) и разграничение омонимов является необычайно трудным и вызывает ряд недорозумений. По-разному, например, решается вопрос о том, следует ли относить к омонимам только слова или также единицы других языковых уровней. В результате одни исследователи ограничивают данное явление пределами межлексического тождества, другие, наоборот, расширяют его до практически неограниченного круга межъязыковых созвучий разного языкового уровня. Спорным до сих пор является также вопрос о месте и статусе межъязыковой омонимии в языковой системе. Некоторые авторы считают, что омонимия в традиционном понимании этого термина – явление, строго ограниченное рамками одной языковой системы. Межъязыковая же омонимия, т.е. сходство слов, принадлежащих разным языковым системам, это явление совершенно иного плана и нуждается для своего наименования в особом термине. В ряде работ, посвященных данной проблематике, наряду с вышеупомянутыми „ложными друзьями переводчика“, можно встретить определения типа: *межъязыковые омонимы/паронимы* (Радић-Дугонич 1991), *тавто-нимы* (Lipczuk 1988), *псевдодэквиваленты* (Tzaurus... 1993), *коварные слова* (Pančiková 1993), *междуязычные аналогизмы* (Готтлиб 1966), *межъязыковая гетерофемия* (Grosbart 1984) т.д. Этот терминологический разнобой является результатом различной трактовки отдельными исследователями самого явления омонимии (межъязыковой омонимии в частности), а также разного подхода к определению ее статуса и границ.

Следует подчеркнуть, что межъязыковые омонимы регулярно сопоставляются с внутриязыковыми, причем внутриязыковые и межъязыковые омонимы рассматриваются как системные категории, образующие определенные формально-семантические оппозиции.

Системное и широкое изучение омонимичных межъязыковых соответствий началось с 1928 года, с работы М.Кесслера и Ж.Дерконьи на материале французско-английских и англо-французских параллелей. Им же был введен термин – „*faux amis du traducteur*” („ложные друзья переводчика”) – ныне стандартный, общеупотребительный и выделены два типа „ложных друзей переводчика”: 1) „*полностью ложные*” со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) „*частично ложные*” со сходной орфографией и в основном с общей семантикой (Koessler, Derojigni, 1928). Это последнее замечание об общности семантики принципиально значимо для нашего анализа.

Составной термин „ложные друзья переводчика” используют в своих работах, преимущественно связанных с проблемами перевода, и славянские лингвисты. В СССР в свое время были изданы дифференциальные словари, которые вслед за М.Кесслером и Ж.Дерконьи стали наименоваться словарями „ложных друзей переводчика” (см.: Акуленко 1969; Готтлиб 1972; Муравьев 1969).

Отмечая различия между понятиями „ложные друзья переводчика” и „межъязыковая омонимия”, В.В.Акуленко подчеркивает, что „значительное место среди „ложных друзей переводчика” занимают случаи межъязыковой омонимии и паронимии” (Акуленко 1969).

Принято считать, что понятие „ложных друзей переводчика” значительно шире, чем *межъязыковые омонимы* и *межъязыковые паронимы*: оно включает в свой состав все лексические единицы, которые могут вызвать неправильные ассоциации – межъязыковые омонимы, межъязыковые паронимы, этимологические дублеты и др. (Ср. Коваль-Костинская, 1984; Кочерган, 1990; Širka 1999 и др.).

Однако некоторые лингвисты употребляют оба термина, не разграничивая их семантически (Будагов 1974). Чешский лингвист Й.Влчек считает, что наименование „ложные друзья переводчика” являются не термином, а „образным выражением для наименования межъязыковых омонимов” (Влчек 1975). Подобную точку зрения высказывает А.Шидловский (Шидловский 1978).

Однако, на наш взгляд, называть межъязыковые омонимы термином „ложные друзья переводчика”, состоящим из метафорической перифразы, было бы неверно: такое наименование не отражает фундаментальной симметрично-асимметричной стороны явления, так как омонимия – это проявление симметрии формы при асимметрии содержания. Определение „ложные друзья переводчика”, приемлемое в теории перевода, совершенно не отображает лингвистического аспекта проблемы: видимо, поэтому в монографических исследованиях, посвященных проблеме межъязыковой омонимии, для подобных слов (сходных по звучанию, но различающихся по значению) разных языков, используются другие термины.

Межъязыковая омонимия (в широком понимании) охватывает все то, что в рамках однопорядковых языковых уровней формально идентично, а семантически различно в контактирующих языках. Однако, по признанию многих исследователей, основная (и важнейшая) часть межъязыковой омонимии отмечается на *лексическом* уровне – в категории межъязыковых лексических омонимов (Супрун 1958; Будагов 1974; Селиванов 1976; Опельбаум, 1979 и ряд других).

Возможны два способа объяснения причин появления межъязыковых омонимов: *случайные* совпадения звучаний, в языках, практически не контактирующих, и совпаде-

ния *неслучайные*, обусловленные последующими изменениями в семантике генетически родственных однокоренных слов (Будагов 1974). Эта „днная ситуация” связана с тем, что большая часть межъязыковых омонимов и паронимов в таких языках возникают в результате распада полисемии либо как следствие *расширения/сужения* значений слов, восходящих к одному этимону.

Естественно, что между родственными языками и тем более близкородственными языками удельный вес подобных соответствий гораздо выше, чем в языках с родством более отдаленным. По некоторым данным, между русским и чешским языками лексические псевдоэквиваленты составляют до 6% (см. Влчек 1975), а вот между русским и литовским – только 1% (Гудавичус 1989). Более того, между словами родственных языков могут возникать целые ряды межъязыковых омонимов или межъязыковых паронимов как следствие неодинакового развития значений общих по происхождению слов (ср.: русск., укр. *булка* ‘хлеб, обычно белый’ – болг. *булка* ‘невеста’; русск. *злодей* ‘тот, кто совершает преступление’, польск. *złodziej*, укр. *злочий*, ‘вор’).

Исходя из этого, можно говорить, что различия в семантике формально близких межъязыковых эквивалентов родственных (или близкородственных) языков – это проявление асимметричных отношений в их лексико-семантических системах соответствий в родственных языках в последнее время посвящается немало работ. Однако следует отметить, что большинство исследователей, занимающихся проблемой межъязыковой омонимии в славянских языках, хотя и используют термин *межъязыковые омонимы* (Реформатский 1952; Супрун 1958; Язич 1971; Мокиенко 1975; Аксенова 1978; Ровдо 1980; Грабчиков 1980; Миронюк 1982; Шуба 1982; Русановский 1980; Заславская 1985; Влчек 1975 и др.), толкуют этот термин по-разному.

В дальнейшем термин „межъязыковые омонимы” получил широкое распространение в лингвистической литературе. Однако анализ имеющихся точек зрения на явление омонимии показал, что до сих пор нет единого общепринятого определения понятия *межъязыковые омонимы*. Мнения исследователей расходятся как по поводу плана выражения, так и по поводу плана содержания межъязыковых соответствий омонимического характера.

Как видно из предыдущего изложения, своеобразие межъязыковых омонимов в сравнении с внутриязыковыми – в их возможной генетической общности, следы которой сохраняются в тех или иных элементах и поныне. Это относится, разумеется, лишь к межъязыковым омонимам, восходящим к одному этимону, т.е. к *гомогенным* омонимам.

При этом, судя по нашему материалу, *межъязыковые абсолютные* омонимы, то есть межъязыковые лексические пары, значения которых в современных близкородственных языках не имеют ничего общего, составляют незначительное количество.

Различия в семантике в таких случаях могут быть обусловлены *случайным* совпадением по форме слов двух языков (с точки зрения синхронного анализа). Однако, как уже отмечалось, большинство сходных в ПВ лексем близкородственных языков восходят к одному этимону и даже разойдясь до уровня *омонимического* противопоставления, сохраняют реликтовые общие семы – чаще всего периферийного или фоново-культурного характера. В этом, на наш взгляд, и заключается основное отличие *закономерных* омонимов от *случайных*.

Так, например, русск. *наглый* ‘крайне дерзкий, нахальный, бесстыдный’ и пол. многозначное *nały*, имеющее три значения 1. ‘внезапный, неожиданный, непредвиденный’; 2. *razg.* ‘быстрый, стремительный’; 3. ‘неотложный, спешный, требующий быстрого исполнения’. Контексты, иллюстрирующие такую семантическую дифференциацию, приводятся в нашем «Русско-польском словаре межъязыковых омонимов» (2002).

В нашей работе мы исходим из того, что потенциально межъязыковые омонимы характерны для любых пар (или групп языков мира), но „наиболее широко представлено их реальное речевое существование в языках, имеющих генетическое родство и близость систем, при необходимом условии их активного контактирования” (Ровдо 1980). Особо широко они распространены в парах таких генетически родственных языков, как русский-украинский, русский-польский и т.п.

Обычно в этимологически тождественных словах близкородственных языков развивается неодинаковое количество значений, так как слова, возникающие из одного источника, но в разных родственных языках, часто сохраняют общие контуры смыслового движения во всех или многих из этих языков. При этом семантические изменения одного и того же слова в разных языках могут быть неравномерными – отсюда различия не только в значениях, но и в оттенках значения.

Следовательно, возникновению межъязыковых соответствий омонимического характера содействуют многие лингвистические и экстралингвистические факторы: фонетическая конвергенция, семантическая дивергенция, словообразовательные процессы. Одним из экстралингвистических факторов называют социальный – языковые контакты. При таком условии пары двух языков вступают в системные отношения, присущие омонимии, образуя формально-семантические оппозиции.

Для наименования подобных лексем двух близкородственных языков некоторые лингвисты используют термин *относительные межъязыковые омонимы* (Ровдо 1980; Заславская 1985; Кочерган 1990.). Отмечая некоторую условность термина „межъязыковые относительные омонимы”, исследователи выдвигают следующие критерии предпочтения данного определения: 1) слова совпадают по форме (существующие различия сводятся к закономерным соответствиям); 2) это разные языковые единицы по признаку принадлежности к двум системам; 3) они могут быть источником интерференции, то есть источником появления ошибок в устной речи билингва и в практике перевода.

При всей условности термина „межъязыковые омонимы” такое наименование представляется более оправданным, чем использование терминов „межъязыковые относительные синонимы” или „межъязыковые полисемы” в ряде работ сопоставительного плана (например, В.В.Акуленко).

Некорректным представляется использование термина „межъязыковые синонимы” по отношению к словам двух языков, совпадающим в ПВ и ПС, но отличающихся коннотацией. Подобные межъязыковые соответствия не могут быть взаимореlevantными и должны восприниматься как показатели специфичности лексем двух близкородственных языков.

Хотя термин „межъязыковая (двуязычная) полисемия” иногда встречается в лингвистической литературе (Финкель 1962; Гольдекер 1971; Затовканиук 1979; Борисенко 1990; Манакин 1998), однако невозможно, на наш взгляд, говорить и о существовании

межъязыкового полисема: признание такой категории привело бы к утверждению о том, что значение одного и того же слова реализуется одинаково в разных языках.

Безусловно, трудно найти термин, который бы охватил одновременно явление межъязыковой омонимии разных видов (омографы, омофоны, омоформы), паронимии, парасемии, стилистические и другие расхождения. А.Е.Михневич, собравший подобные примеры в белорусском и русском языках назвал их *паралексами* (от греч. *para* – при, *lexis* – слово), С.А.Горская *парасемантами* (от греч. *para* – при, возле, *semantikos* – значение; Горская 1990).

Заметим также, что перечисленные термины не исчерпывают полного их списка. Некоторые лингвисты предлагают межъязыковые соответствия, совпадающие в ПВ и различные в разной степени в ПС квалифицировать как *ложные эквиваленты* (Андреев 1962; Федоров 1968), *ложные друзья переводчика* (Шахрай 1955; Гальперин 1970; Будагов 1974), *обманчивые языковые сходства* (Гросбарт 1983), *слова-аналоги* (Вилюман 1978), *псевдоинтернационализмы* (Коломиец 1976), *аппроксиматы* (Симеонова 1981; Карпачева 1985; Чангарова 1992, 4), *ложные лексические параллели* (Дубичинский 1993), *гетеронимы* (Конецкая 1968; Селиванов 1976).

Множество терминов, предлагаемых исследователями для именования межъязыковых соответствий омонимического характера, свидетельствуют о сложности данного явления, о необходимости использования таких лингвистических методов, которые позволили бы избежать неоднозначности в интерпретации категории межъязыковой омонимии. Значительную часть ответов на трудные вопросы при анализе формально сходной лексики близкородственных языков могут дать, на наш взгляд, наблюдения над переходными явлениями, характеризующиеся синкретизмом свойств, то есть совмещением в одном факте языка и речи дифференциальных признаков разных категорий.

Как показали наши наблюдения, наличие периферийных областей в сфере межъязыковой омонимии может быть обусловлено: 1) степенью сходства плана выражения и 2) степенью различий плана содержания.

Судя по результатам исследования, *центром* межъязыковой омонимии/паронимии следует считать лексические единицы двух языков, совпадающие *во всех формах* (либо в большинстве форм) *в плане выражения и различные в плане содержания* (так называемые *абсолютные* межъязыковые омонимы).

Таковыми являются, например, омонимы: *gadać* – *gadać* разг. ‘говорить; болтать’, *obdzielić* – *obdzielić* ‘оделать; раздать’, *popierać* – *popierać* ‘поддерживать; подкреплять’, *smuć się* – *smuć się* ‘грустить; печалиться, огорчаться; горевать’, *grac* – *grac* ‘игрок’, *kaczka* – *kaczka* ‘утка’, *plątka* – *plątka* ‘сплетня’, *ujma* – *ujma* ‘моральный урон, ущерб, вред’; *żytki* – *żytki* ‘деятельный, живой, энергичный; изобретательный; инициативный’, *konieczny* – *konieczny* ‘необходимый; непереносный; неизбежный’, *liczny* – *liczny* ‘многочисленный’, *urodziny* – *urodziny* ‘красивый; прекрасный; хорош собою; отборный’; *zaraz* – *zaraz* ‘1. сейчас; 2. сразу, тотчас’ и под.

Если для ядра характерна *максимальная* концентрация признаков омонимии (симметрия формы при асимметрии содержания), то для периферии – *неполный набор* признаков, характеризующих центр.

В зоне *ближней периферии* располагаются межъязыковые соответствия, совпадающие в большей части словоформ и различные по семантике. Таковы, например, русск. *луна* 'небесное светило, естественный спутник Земли' и пол. *luna* 'зарев' (Ср. Федорчук 2001).

В зоне *дальней периферии* наблюдаются межъязыковые соответствия, совпадающие в большинстве словоформ и имеющие *частичное семантическое сходство*. Следовательно, сюда войдут моно-полисемичные либо полисемичные лексемы двух языков, для которых характерно, с одной стороны – семантическое тождество (совпадающие ЛСВ), а с другой – семантическая омонимия (несовпадающие ЛСВ).

Например, рус. *чад* и польск. *czad* имеют семантически эквивалентные ЛСВ: 1) 'удушливый дым от недогоревшего угля, от горящего жира'; 2) *перен.* 'то, что дурманит сознание, разум; нездоровая обстановка'. Помимо названных значений в семантическую структуру польского слова входит ЛСВ (3) *жарг.* ФЕ Dać czadu = рус. *Дать маху*).

В зону *крайней периферии* войдут лексические единицы сопоставляемых языков, имеющие формальное сходство и отличающиеся *оттенками* значений. Ср. *око* - *oko* 'глаз'; *чело* - *czoło* 'лоб', *уста* - *usta* 'рот' и под., имеющие в русском и польском языках разную стилистическую маркировку.

Таким образом, явление межъязыковой омонимии в нашей работе характеризуется широко – как в формальном (фонетическом и графическом) аспекте (совпадении /несовпадении), так и в аспекте семантическом, то есть и в сфере означающего (ПВ), и в сфере означаемого (ПС) с учетом переходных явлений. В качестве исходного в работе принимается такое определение: **межъязыковые омонимы** – это слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой и/или графической форме, различающиеся (в разной степени) по значению. Именно сохранением той или иной степени семантической связи отличаются межъязыковые омонимы, восходящие к одному этимону от омонимов внутриязыковых.

Завершая общую характеристику межъязыковой омонимии, следует отметить необходимость ее отграничения не только от омонимии внутриязыковой, но и от межъязыковой паронимии.

В § 3 1-й главы рассматриваются сходства и различия внутриязыковой омонимии и межъязыковой омонимии по формальному и содержательному признакам.

Анализ внутриязыковых и межъязыковых омонимов в ПВ предполагает определение их фонетической, морфологической и/или графической близости.

Соотношение формальных признаков, как для внутриязыковых, так и межъязыковых омонимов можно представить, на наш взгляд, с помощью логической формулы $F = A \cup B$, где F – формальное тождество, A – фонетическое тождество, B – графическое, а знак \cup указывает на отношение слабой дизъюнкции и/или (Малаховский 1990; Федорчук 2001). В различных видах омонимии (внутриязыковой и межъязыковой) могут иметь место:

- а) отношения типа A (таковы, например, омофоны в русском языке: *костный* – *косный*, *пруд* – *прут*, а также межъязыковые русско-польские омофоны: *лестный* – *leśny*, *властный* – *własny* и под. (Ср. Зинкевич 2001; Карпов 1998).
- б) отношения типа B (русские омографы *мука* - *му'ка*; межъязыковые русско-польские омографы: русск. *зана'х* 'заход одной полы за другую' – пол. *zapach* (равное по семантике русскому запах – 'свойство предметов, веществ, воспринимаемых обоняни-

ем'); Ср. также *маляк* – *tajak* 'призрак; галлюцинация', *качка* – *kaszka* 'утка', *чулки* – *czulki* мн. зоол. 'саяжки, усики; щупальца' и под.

- в) соотношенне формальных признаков и в сфере внутриязыковой и межъязыковой омонимии может быть выражено одновременно двумя способами – фонетическим тождеством (А) и графическим тождеством (В) (ср.: рус. *колоть* 'раздроблять' и *колоть* от *укол*, *ветрянки* 'оспа' и *ветрянка* 'мельница'). Аналогичны соотношения межъязыковых русско-польских омонимов: рус. *лук* I 'овощное растение с трубчатыми листьями и луковицей' и польск. *luk* 'ручное орудие для метания стрел' (сходное значение имеет, как известно, и русский омоним – *лук* II); рус. *засада* ед.ч. 'скрытое расположение кого-нибудь' и польск. *zasada* ед.ч. 'основание, начало' (ср. Федорчук 2001).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют основу для классификации различных типов внутриязыковых и межъязыковых омонимов в ПВ.

Формальное соответствие русских и польских слов обнаруживает отношения *формального тождества* и *частичного формального тождества*. В работе предлагается следующая классификация межъязыковых омонимов, предусматривающая выделение трех основных типов: *фонетико-графические*, *графические* и *фонетические*.

Фонетико-графические межъязыковые омонимы характеризуются полным совпадением в ПВ (в звучании и написании) исходной формы и большинства словоформ, то есть соотношением формальных признаков по формуле $F = AUB$. Например, русск. *ба'ня* 1. 'специальное помещение, где моются и парятся', 2. разг. *перен.* 'взбучка, строгий выговор, нагоняй' и пол. *bania* 1. 'выпуклая крыша, свод в виде полушария; купол'; 2. жарг. 'голова'.

В разряд *фонетических межъязыковых омонимов* включаются слова с регулярными расхождениями графем: русск. *вы'ступ* 'выдающаяся, выступающая вперед часть чего-либо' и пол. *występ* ЛСВ 1) – совпадает с рус. ЛСВ) и ЛСВ 2) 'публичное оглашение речи;

К фонетическим межъязыковым омонимам следует отнести также лексемы двух языков с графико-орфографическими различиями. Ср.: русск. *вла'стный* 'склонный повелевать, не признающий права личности' и пол. *własny* 'принадлежащий по праву собственности кому-либо', а также *лест'ный* 'содержащий похвалу, одобрение' и *лес'ny* 'лесной'.

Подобные формальные расхождения в написании объясняются закономерными соответствиями графем и тем, что в польском языке явление упрощения групп согласных стн, здп, нлк, рдц, лпц, рпч, стл закреплено орфографией – *serce, posłać, późno* и т.д.

Графические межъязыковые омонимы – это слова, совпадающие в написании, но различающиеся произношением. Графическое тождество лексем двух языков может быть:

- а) результатом *случайного* совпадения слов, разных по происхождению. Например, рус. *буй* 'сигнальный плавучий знак' и польск. *bój* 1) 'сражение, бой'.
- б) результатом семантического и акцентологического расхождения этимологически тождественных слов типа русск. *жа'лобный* и пол. *żałobny* 'траурный; скорбный; похоронный'.
- в) результатом совпадения этимологически тождественных слов, различающихся произношением отдельных фонем. Ср.: русск. *возраст, взгляд, упоминать* и пол. *wzrost, wygląd, upominać* и под.

Что касается лексико-грамматических омонимов типа *жечь* (глагол.) – *гзець* (сущ.), *течь* (глагол.) – *ciecъ* (сущ.), *жить* (1. сущ.; 2. в знач. сказ.; 3. в знач. нареч.) – *żyć* (глагол.), *кеды* (сущ.) – *kiedy* (нареч.), *почитай* – *poszytaj* (глагол.), *часто* (нареч.) – *ciasto* (сущ.) и под., то они – в соответствии с задачами работы – не являлись объектом нашего анализа.

Сопоставление лексических единиц русского и польского языков в плане содержания (§3) предполагает сравнение семантической структуры слова и структуры значения слова. Сопоставление может проводиться на следующих основных уровнях:

- на уровне слова, его семантической структуры;
- на уровне тематической и шире - лексико-семантической группы;
- на уровне словаря как высшем уровне.

Выявлению и описанию возможных границ явления межъязыковой омонимии и паронимии посвящен §4 1-й главы настоящего исследования.

При рассмотрении паронимов в узком смысле, как слов, восходящих к единому корню, привлекает внимание прежде всего сходство звучания паронимов. Это внешнее (в ПВ) сходство и в то же время генетическое родство втягивает паронимы в сферу взаимоотношения слов-омонимов, восходящих к одному этимону, однако критерий этого разграничения остается неясным. Объясняется это тем, что эти категории похожи лексическими значениями и они различаются по степени сходства звуковой (графической) формы (при различии значений). Когда сходство *большее*, говорим о межъязыковой омонимии, когда *меньшее* – межъязыковой паронимии (Тошич 1985). При этом не указывается, какую степень сходства можно считать достаточной для дифференциации названных межъязыковых категорий. С другой стороны, уже в практической лексикографии предпринималась попытка разграничения межъязыковой омонимии и межъязыковой паронимии. Категорию межъязыковой паронимии выделили и так терминологически обозначили лексикологи-составители дифференциальных словарей (напр., Влчек 1966). Автор чешско-русского словаря Й.Влчек относит к русско-чешским паронимам лексемы, различающиеся *фонетически* или *морфологически*, т.е. выделяет их с учетом *формального* компонента.

Несмотря на отсутствие общепринятого критерия разграничения категорий межъязыковой омонимии и межъязыковой паронимии целесообразно рассматривать эти категории отдельно.

Системный характер паронимов проявляется в их сходстве и различии в словообразовательном отношении, при установлении семантических различий, в дифференциальной сочетаемости созвучных лексем и т.д. В связи с семантическим анализом сопоставления выясняются особенности их сочетаемости (см.: Бельчиков, Панюшева 1994).

Слова, составляющие внутриязыковой генетически родственный паронимический ряд, в большинстве случаев соотносительны между собой в логическом, смысловом, семантическом плане. Данное утверждение относится и к межъязыковым паронимам. Так, например, общеславянское слово *веселье* употреблялось в значениях 'веселость', 'радость', 'утеха'. В современном русском языке слово *веселье* имеет два значения: 1) 'беззаботно-радостное настроение, радостное оживление', 2) 'веселое времяпрепровождение, развлечение, забава' и образует межъязыковую паронимическую пару с польской лексемой *wesele* 1) 'свадьба', 2) собир. разг. 'люди, присутствующие на свадьбе'. В польском языке значение '*свадьба*' появилось уже с XV века. Заметим также и то, что в современном польском языке *wesele* теперь употребляется лишь в значении 'свадьба', хотя

в XVIII столетии, как свидетельствуют польские письменные памятники, это слово было известно в Польше и в старом значении 'веселость', 'радость', 'утеха'. В других славянских языках это слово сохраняет первоначальное значение 'веселость', 'радость' (ср. словац. *vesele* 'свадьба' диалектизм с ограниченной локализацией; русск. диалектное *веселие* 'свадьба' В. Даль дает с пометой *южное*, то есть это может быть украинское или белорусское слово).

Семантическое отождествление или сближение русского *веселье* происходит потому, что в основе их значений лежит общий семантический компонент - 'полный веселья, выражающий веселье, вызывающий веселье'. Он восходит к древней общеславянской смысловой (геср. обрядовой) инерции этого слова, выявленной С.М.Толстой.

Явление паронимии, таким образом, определяется как семантический тип взаимоотношений созвучных слов. Типы паронимов имеют специфику конкретного выражения, связанную с взаимодействием семантики слова и его морфологической структуры.

В системе генетически однокоренных слов-межъязыковых паронимов русского и польского языков нами были выделены следующие их основные типы с точки зрения внешней (ПВ) структуры:

1. Русско-польские межъязыковые паронимы с *идентичной основой и разными формантами*, то есть паронимы, различающиеся произношением:
 - а) *приставок* (приставочные), например, *rozgadamy/rozgadać* 'разболтать, разгласить', *rozbawimy/rozbawić* 'развеселить, потешить', *racmonumy/roztopić* 'растопить; расплавить' и под.
 - б) *суффиксов* (суффиксальные), например, русск. *мал-ость*: 1. *разг.* 'незначительное количество'; 2. *разг.* 'что-либо незначительное, мелочь, пустяк'; 3. 'незначительность по размеру, величине' и пол. *mał-ość* 2. = русск. малость (3) *разг.*, редко – SJP, 197); аналогично *жизньность* – *żywność* 'пища, продовольствие; продукты питания'.
 - в) *окончаний* (финальные), например, русск. *благой* 1. 'хороший, добрый, полезный'; 2. *обл.* 'сумасбродный, взбалмошный' и пол. *blogi* 'блаженный; благотворный' или *луговой* – *ługowy* 'щелочной':
2. Русско-польские межъязыковые паронимы (непроизводные) с разными по звучанию и написанию основами: русск. *звон* 1. 'звук, издаваемый металлическими или стеклянными предметами'; 2. *перен., прост.* 'сплетни, толки' и пол. *dzwon* 'колокол'. Графико-фонетические различия семантически неэквивалентных слов в данном случае связаны с закономерными соответствиями *dz* - *z* польского консонантизма составляет одну из важнейших черт польской фонетической системы (Кусаль 1998).
3. Русско-польские межъязыковые паронимы с различающимися по звучанию и написанию основами и формантами: *световой* – *światowy* 1. 'мировой; всемирный'; 2. 'светский', *распятие* – *rozpięcie* 'разрез', *переводной* – *przewodni* 'главный, основной, ведущий', *перевой* – *przebieg* 'спяiger, хит' и под.

Специфика межъязыковых омонимов и паронимов заключается, конечно, в их семантике: исследование показало, что, в отличие от внутриязыковых омонимичных рядов, межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы могут находиться как в отношении дизъюнкции (непересечения), так и в отношениях включения и пересечения.

Семантика межъязыковых омонимов и паронимов, таким образом, представляет собой сложную иерархию: от полного различия в значении одних пар до частичного сближения значений у других пар.

Внутриязыковые омонимы сближаются по фонетической линии, но семантика на синхронном срезе у них различна. Специфика межъязыковых омонимов и паронимов заключается в том, что они в равной степени являются источником лексико-семантической интерференции: близкие по звуковому составу однокорневые слова в результате так называемой семантической инерции (или фонетической аналогии), *паронимической аттракции* (Маковский 1971; Федорчук 2001) иногда сближаются говорящими. Из этого следует, что под влиянием звукового сходства семантика таких слов может восприниматься искаженно. Следовательно, с точки зрения семантических различий, между межъязыковыми закономерными омонимами и межъязыковыми паронимами весьма сложно провести границу. Это объясняется тем, что важнейшей причиной их возникновения оказывается расхождение семантики современных слов с первоначально общим этимоном.

Вторая глава «Структурно-семантическая характеристика русско-польских межъязыковых омонимов и паронимов» состоит из 5 параграфов и посвящена формально-семантической классификации межъязыковых русско-польских омонимов и паронимов в системе знаменательных частей речи (§§1-4). Здесь предложена типология межъязыковых омонимов и паронимов в плане выражения (ПВ) и плане содержания (ПС), рассматриваются структурно-словообразовательные особенности межъязыковых русско-польских паронимов в системе знаменательных частей речи. Здесь дана типология русско-польских паронимов с точки зрения их внешней структуры, то есть в плане выражения.

В специальном параграфе второй главы (§5) характеризуются также типы семантических реляций в сфере межъязыковых омонимов для всех четырех знаменательных частей речи – существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Названные части речи обладают полным набором специфических дифференциальных признаков, являясь ядром системы частей речи в славянских языках.

Существительные занимают особое место в системе языка и составляют ядро лексикона. Поэтому вполне закономерно, что большую часть русско-польских омонимов и паронимов составляют имена существительные.

В плане формального соответствия русско-польских омонимов в разряде существительного нами выделены следующие типы: *фонетико-графические, графические, фонетические*.

Фонетико-графические субстантивные межъязыковые омонимы это слова полностью совпадающие по звучанию и написанию в исходной форме и большинстве словоформ. Ср. русск. *баба* I 1. *устар.* 'замужняя крестьянка', 'простая, необразованная женщина'; 2. *прост.* и *обл.* 'жена'; 3. *прост.*, обычно пренебреж. 'женщина вообще'; 4. *разг., презр.* 'о робком, слабохарактерном мужчине'; 5. *разг.* 'то же, что бабушка' и пол. *baba* I 1. *baba* - 'старуха'; 2. 'старая по возрасту женщина'; 3. = русск. *баба* (3); 4. = русск. *баба* (4); 5. ≈ русск. *баба* (5); 6. 'женщина, принимающая детей во время родов; повитуха'; 7. *устар.* 'гадалка, знахарка'. Аналогичны омонимические пары русск. *балалут* и пол. *balamut* 'повеса; обольститель', русск. *бляха* и польск. *blacha* 'листовой металл; жест' и мн. др.

Как показывают наши наблюдения, фонетико-графические русско-польские омонимы составляют наибольшее количество из числа проанализированных существительных. Это объясняется тем, что межъязыковые омонимичные пары чаще всего образуют общие по происхождению (однокоренные) существительные. Ими могут быть как славянские слова, восходящие к праславянской общности, так и заимствования.

Кроме того, межъязыковые фонетико-графические омонимы в разряде существительных могут возникать и в результате *случайного* совпадения разных по происхождению и семантике слов типа русск. *кома мед.* 'потеря сознания с резким ослаблением организма', 'тяжелое болезненное состояние, связанное с нарушением реакции организма на внешние раздражения' и пол. *koma I лингв.* 'знак препинания, имеющий форму крючка и употребляющийся для обособления слов и предложений; запятая'.

Исследование показало, что именно для русских и польских существительных характерно сохранение тождества формы в значительно большей степени, чем в других частях речи.

Обнаружено, что графические русско-польские субстантивные омонимы составляют примерно 20 % от общего количества проанализированных существительных.

Графическими межъязыковыми омонимами являются, напр., русск. *паства* и польск. *pastwa* *устар.* 'корм, пища; добыча' (*только во фраз.*). Ср. также омонимы *жалоба – žaloba* 'траур', *опaska – opaska* 'повязка', *замах – zamach* 'покушение' и т.п.

Специфической чертой межъязыковых русско-польских омографов (в разряде существительных) является то, что в омонимические отношения могут вступать не только слова, имеющие тождественное написание (при акцентологических различиях в устной речи), но и те лексемы русского и польского языков, которые не различаются по месту словесного ударения (*ночь – post* 'пост', *кут – kù* 'замазка для окон', *нарты – party* 'лыжи', *наушник – nauszник* 'наушник' и под.). Среди межъязыковых омонимов графического типа (омографов) особую подгруппу составляют слова, совпадающие в русском и польском языках по написанию, но различающиеся по фонетическому облику. Вместе с тем и межъязыковые соответствия типа *качка – kaczką* 'утка', *диван – dywan* 'ковёр', *опaska – opaska* 'повязка' и др. также относятся к межъязыковым омографам, ибо при тождестве графической формы подобные лексемы двух языков имеют различия в произношении отдельных звуков. Степень соответствующих различий определяется весьма условно, в основном – с опорой на данные русской и польской орфоэпии; в некоторых случаях довольно сложно провести границу между фонетико-графическими и графическими русско-польскими омонимами.

Кроме фонетико-графических и собственно графических субстантивных межъязыковых омонимов, в русском и польском языках можно выделить и фонетический тип. Фонетические межъязыковые омонимы в разряде существительных представлены меньшим количеством пар. В нашей картотеке их насчитывается всего 68 пар (ок. 17%). Пишутся такие слова нередко по-разному, но в звучании оказываются сходными. Таковы, например, *высыпка – wysypka* 'сыпь', *посадка – posadka* *разг.* 'местечко', *пожитки – pożytki* *мн.* 'выгода; польза; прибыль', *спуд – spód* 1. 'низ; дно; 2. 'подкладка', *дробина – drabina* 'лестница; стремянка', *прушка – wróżka* 'гадалка' и под.

При этом семантика фонетических межъязыковых омонимов, как и семантика всех субстантивных омонимов, не совпадает. Сравним, к примеру, значения много-

значных слов – русск. **высыпка** 1) ‘вываливание, выкладывание чего-либо путем ссыпания’; 2) охот. ‘внезапный прилет множества дичи’ и пол. **wysypka** 1) *разг.* ‘искусственное земляное возвышение; насыпь’; 2) *мед.* ‘мелкие прытнышки или прытнышки, появляющиеся на теле при некоторых болезнях; сыпь’; 3) = русск. **высыпка** (2).

Аналогичные типы межъязыковых омонимов наблюдаются в сфере **прилагательных** и наречий. В связи с орфографическими различиями письменной формы в русском и польском языках, в связи со спецификой в оформлении отдельных графем и своеобразием произношения некоторых звуков русского и польского языков **фонетико-графические** межъязыковые омонимы в разряде прилагательных представлены незначительным по сравнению с омонимами-существительными случаями (ок 3% от общего количества проанализированных омонимов-прилагательных), напр.: русск. **гожий** и польск. **hoży** ‘пригожий, цветущий, свежий’.

Незначительную по количеству группу – 14% от общего количества (см. диаграмму 2) исследованных межъязыковых омонимов – составляют и **графические** русско-польские омонимы в разряде прилагательных.

Приведем примеры **графических межъязыковых адъективных** межъязыковых соответствий. К данному типу в первую очередь относим русско-польские лексемы с акцентологическими различиями – ср. **заложенный** – **zalogowy** 1. ‘экипажный; групповой’; 2. ‘относящийся к (работе) коллективу’, **жалобный** – **żalobny** ‘траурный’ и под. Ср. **животный** – **żywothy** ‘живой, деятельный’; 2. ‘животворный’; 3. *перен.* ‘жизненный, сущевственный; актуальный, жгучий’, **спасенный** – **spasiony** ‘тучный, упитанный’, **смутный** – **smutny** ‘грустный, печальный; тоскливый’, **оталеченный** – **odwleczony** ‘оттянутый, оттащенный; отсроченный’, **спорый** – **sporty** ‘немалый, значительный’ и т.п.

Как показывают наблюдения, большую часть русско-польских адъективных омонимов в ПВ составляют **фонетические омонимы** (омофоны) – 83 %, то есть слова, совпадающие по звучанию, но различные по написанию и семантике.

Исследование показало, что производные прилагательные русского и польского языков в некоторых случаях сохраняют омонимию производящих. Например, русск. **бранимый** ‘ругательный, неприличный’ образует омонимичную пару с пол. **brany** *обл.* ‘смелый, отважный’. В подобных случаях можно говорить о возникновении своеобразного гнезда омонимов. Ст. также омонимы **ладный** и **ładny** ‘красивый; симпатичный’, **блудный** и **blędny** 1. ‘опыбочный, неправильный, ложный’; 2. ‘безумный; отсутствующий’.

В большинстве случаев производные адъективные русско-польские омонимы сохраняют омонимию производящих основ, образуя омонимичные гнезда.

В других случаях межъязыковые омонимичные пары образуют отдельные производные слова, напр.: **думный** и **duhny** ‘гордый’, **мозолный** – **mogolny** ‘тяжкий, тяжелый; изнурительный; кропотливый’, **обывельский** – **obywatelski** ‘гражданский’ и т.п.

Межъязыковые омонимы в сфере **наречий** анализировались по той же схеме, что субстантивные и адъективные русско-польские омонимы. Наблюдения показывают, что и межъязыковые русско-польские омонимы-наречия также можно подразделить в ПВ на три разновидности: **фонетико-графические**, **графические**, **фонетические**.

Следует отметить, что **абсолютное** фонетическое тождество между данными фонетико-графическими омонимами невозможно, ибо, как уже отмечалось, польскому

языку не свойственна редукция безударного гласного [о]. Ср. русск. *огулом* и пол. *ogółem* 'всего, в целом; в сумме'.

В сфере межъязыковых русско-польских омонимов-наречий также наблюдаются переходные явления. Как синкретичные между фонетико-графическими и графическими омонимами классифицируем соответствия с фонетическими различиями при одинаковой позиции словесного ударения. Например, между русск. *лихо* и польск. *licho* не существует тождества в произношении, так как в русском слове безударный [о] подвержен качественной редукции. Совпадая в одном из значений, данные русско-польские соответствия различаются по семантике. Ср. графические межъязыковые омонимы: рус. *зараз* 'сразу' и польск. *zaraz*, *просто* – *prosto* 'прямо; непосредственно', *затем* – *zatem* 'итак, следовательно, таким образом' и под.

В § 3 межъязыковые русско-польские паронимы рассматриваются с точки зрения *внешней структуры* (словообразовательных элементов – основы и формантов). При сопоставлении межъязыковых паронимических пар *близкородственных* языков на первый план выдвигается *фонетический* аспект. Подобный подход обусловлен тем, что в области словообразования современные славянские языки имеют много общих черт. Основные способы образования слов в этих языках – суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный и словосложение. Наиболее распространена суффиксация, причем большинство суффиксов существительных одинаковы во всех славянских языках. Это объясняется, с одной стороны, общим происхождением этих суффиксов, а с другой тем, что словотворческие модели родственных языков в значительной мере складывались в праславянский период. Следовательно, различия между формантами русского и польского языков часто связаны с фонетическими особенностями каждого из языков.

Анализ русско-польских межъязыковых однокоренных паронимов свидетельствует о том, что различия во внешней структуре лексем двух близкородственных языков могут быть самыми разнообразными. Однако, как показывают наблюдения, в сфере межъязыковой русско-польской паронимии наиболее распространенными являются следующие несколько типов (по степени убывания их частотности) формальных отношений: 1) русско-польские паронимы с *идентичной основой и разными формантами*; 2) русско-польские непроездовые паронимы с *разными основами*; 3) русско-польские паронимы с *разными основами и идентичными формантами*; 4) русско-польские паронимы с *разными по звучанию и написанию основами и формантами*.

Следует отметить, что межъязыковые русско-польские паронимы обнаруживаются в системе различных частей речи.

В системе генетически однокоренных *межъязыковых паронимов-существительных* наблюдаются все перечисленные выше типы формальных отношений.

1. Русско-польские межъязыковые паронимы с *идентичной основой и разными формантами*: приставочные, суффиксальные, суффиксально-финальные и финальные.

а) Приставочные, например, русск. *подручник* (*под* + *руч/н/ый* ← *рук/а*) 1. 'тот, кто служит кому-либо; вассал', 2. 'тот, кто находится поблизости, под рукой; помощник' (пол. *підручний, помічник*), 3. *спец.* 'подставка, опора для режущего инструмента на токарном станке' и пол. *podręcznik* (*pod/ręcz/n/у* ← *ręк/а*) 1. 'книга, по которой изучают предмет; учебник' 3. = русск. *подручник* (3)

б) Суффиксальные, например, русск. *высокость* (*высок/ость* ← *выс/ок/ий*) книжн. 'полнота глубокого, необъятного содержания; возвышенность' (МАС, 1, 282) и пол. *wysokość* (*wysok/ość* ← *wys/ok/i*) 1. 'пространство на большом расстоянии от земли' 2. 'возвышенная горная местность'; 3. *устар.* с местным. *вама, его, их* 'высочество'; 4. = русск. *высокость*.

2. Русско-польские непроизводные паронимы с *разными основами*. Например, русск. *ded* 1. 'отец отца или матери', 2. *разг.* 'старый человек, старик', 3 мн.ч. 'люди, жившие в старину; предки' и пол. *dziad*, которое помимо названных значений русской лексики *ded*, имеет еще несколько ЛСВ 4. 'убогий, бездомный мужчина преклонного возраста; нищий', 5. *устар.* 'сторож (в саду, на бахче и т.п.), 'чучело на огороде' (SJP, 100). Ср. также *дело* – *dzieło* 1. 'произведение'; 2. 'результат; следствие'; 3. 'работа, действие', *резь* – *rzeź* 'резня; бойня' и др.

3. Межъязыковые русско-польские паронимы с *разными* по звучанию *основами* и *идентичными формантами*. Например, русск. *усмешка* (*усмет/к/а* ← *у/смех/а/ть/ся*) 'улыбка, выражающая насмешку, иронию, недоверие и т.п.' и пол. *uśmiezek* (*uśmiesz/ek* ← *u/śmiech/a/ć się*) 1. 'мика лица, губ, глаз, показывающая расположение к смеху, выражающая привет, удовольствие, насмешку; улыбка', 2. 'небольшое юмористическое художественное произведение'. Ср. также *тренажер* – *trępaczka* 'выбивалка', *работник* – *robotnik* 'рабочий', *резня* – *rzeźnia* 'бойня' и под.

4. Русско-польские паронимы с *разными* по звучанию и написанию *основами* и *формантами*. Подобные различия характерны для отглагольных существительных, напр., рус. *жалование* (*жалов/ан/[й-э]* ← *жал/ова/ть*) 1. *устар.* 'денежное вознаграждение за службу', 2. 'награда за услугу в знак расположения' и польск. *żalowanie* *действие по знач. глагола* *żalować* 'проявлять расположение, любовь, уважение'. Ср. *признание* – *przyznanie* 'присуждение; награждение', *провидение* – *przewidzenie* 'предвидение' и под.

По нашим наблюдениям, количество русско-польских межъязыковых паронимов зависит от степени продуктивности того или иного способа образования и фонетических особенностей сравниваемых языков. Так, префиксальные русско-польские паронимы в сфере существительных составляют незначительное число пар, ибо префиксация не является продуктивным способом образования для данной части речи. Важно отметить также, что в принципе продуктивным является также бессуффиксальный способ, особенно при образовании отглагольных существительных.

По схеме, аналогичной описанной, анализировались также межъязыковые русско-польские паронимы в сфере прилагательных.

Анализ соотносительных паронимичных адъективных лексических единиц русского и польского языков позволил сделать следующие выводы.

1. Чаще всего межъязыковые соответствия паронимического характера в сфере прилагательных составляют лексемы русского и польского языков с *идентичной основой* и *разными финалями* (флексиями). Одна из причин подобных различий объясняется тем, что в русском языке окончание *-*ъь* фонетично изменилось в *-ой* (под ударением). Ударная флексия *-ой* у прилагательных твердой группы мужского рода в им.п. является *характерной чертой* русского языка. В польском языке у прилагательных мужского рода окончание *-*ъь* фонетично изменилось на *-i/-u*, напр.: рус. *духовой* и

польск. *duchowy* 'духовный; душевный; *часовой* – *czasowy* 'временной; преходящий' и *листовой* – *listowy* 'почтовый; письменный' и под.

2. Вторую по количеству группу адъективных межъязыковых русско-польских паронимов составляют межъязыковые соответствия с *разными* по звучанию *основами* и *идентичными формантами*, напр., рус. *подорожный* и пол. *podróżny* 1. дорожный; 2. в знач. сущ. пассажир; путешественник, путник'. Ср. *дерзкий* – *dziarski* 'бравый; лихой; живой' и под.

3. Адъективные русско-польские паронимы с *разными* по звучанию *префиксами* и *идентичными основами* (префиксальное), напр., рус. *беспечный, бесчинный* – польск. *bezpieczny* 'безопасный', *bezczynny* 'бездейственный, бездеятельный; праздный; пассивный'.

Итак, в системе именных частей речи между русско-польскими паронимами существуют самые разнообразные формальные отношения. Причины появления межъязыковых паронимических соответствий лежат во внутренних закономерностях развития каждого из языков.

В сфере *глагольной* русско-польской паронимии можно выделить два основных типа: 1) лексемы, с *идентичной основой* и *разными формантами*, 2) лексемы с *разными* по звучанию и написанию *основами* и *формантами*.

1. Межъязыковые русско-польские паронимы с *идентичной основой* и с *разными* формантами представлены двумя разновидностями: а) префиксально-суффиксальными и б) суффиксальными глагольными межъязыковыми паронимами.

В нашем материале достаточно широко представлены межъязыковые паронимы *префиксально-суффиксальной* разновидности, например, рус. *распнать, расточить, растворить, растопить, разбавить, разгадать* и польск. *rozpinać* 'расстегивать', *rozłuszczyć* 1. 'развернуть, распустить'; 2. 'распространять'; *roztopić* 'растопить; расплавить', *roztworzyć* устар. 'растворить, раскрыть', *rozbawić* 'развеселить, потешить', *rozgadać* разг. 'болтать; сплетничать' образуют межъязыковую паронимические пары.

Вместе с тем большинство межъязыковых паронимов глагольного класса относится к разновидности межъязыковых паронимов *суффиксальных*. Чаще всего это связано с различиями в произношении финальных суффиксов -ть, -ти в русском и польском языках, например, русск. *гадать* и пол. *gadać* разг. 'болтать, говорить'.

2. Межъязыковые русско-польские паронимы с *разными* по звучанию *основами* и *формантами*. Такие различия чаще всего связаны с фонетическими особенностями русского и польского языков. Таковы омпары: *разбирать* – *rozbierać* 1. 'раздевать'; 2. 'разобирать; разделять', *разрознить* – *rozróżniać* 'различить; отличить' и под.

Итак, исследование типов формальных отношений в области межъязыковой русско-польской паронимии показало, что в составе межъязыковых паронимов выделяются различные комбинации фонетических и морфологических соответствий: от соответствия максимального (максимального сходства типа *змейка* – *żmijka*, *роковой* – *rokowy*, *браковать* – *brakować*) до соответствия весьма отдаленного (т.е. отдаленного от полного фонетического и морфологического сходства) типа *кровавый* – *krwawy*, *разрознить* – *rozróżnić*).

Поскольку сопоставление лексем двух языков ведется от формы к содержанию, то в следующем параграфе рассмотрены типы семантических соответствий. Данный под-

ход позволил на основе учета тождества/сходства ПВ и степени различий ПС предложить типологию межъязыковых русско-польских омонимов и паронимов с точки зрения формальных и смысловых отношений.

В классификации типов семантических соответствий (§5) в сфере русско-польской межъязыковой омонимии и паронимии мы опирались на логическую схему возможных формально-смысловых соответствий между знаками: тождество, включение, пересечение и отсутствие общей части (ср. Lipczuk 1988; Федорчук 2001; Манакин 1994).

1. Семантические отношения дизъюнкции (модель PUT)

Данный тип отношений определяется отсутствием общей части в значениях русской и польской лексических единиц, если омонимия возникла случайно (в результате конвергенции). В закономерно возникших омонимах и однокоренных паронимах возможно сохранение следов прежней семантической связи.

Отношения *полного* семантического различия могут быть следствием расхождения этимологически тождественных слов, напр., рус. *мешкать* и польск. *mieszkac* 'жить, проживать', восходящие к одному этимону (к глаголу *мешать*), на синхронном срезе имеют разные значения. (Федорчук 2001). Ср. также омонимы *запросить* и *zaprosić* 'пригласить; позвать', где произошло переосмысление семантики общих по происхождению слов русского и польского языков. Однако и после семантических трансформаций значений у лексем сохранилась некоторые точки семантического соприкосновения: отнесенность к семантическому полю «волеизъявления».

2. Расхождение семантики слов, восходящих к одному этимону, может быть связано и с *расширением/сужением* семантического объема лексемы в одном из языков. Указанные процессы привели к функционированию в русском и польском языках межъязыковых омонимов/паронимов двух типов:

а) Русское слово сохраняет былое, широкое, общеславянское значение слова, а польский аналог употребляется в более узком, частном значении, напр., рус. *злодей* 1. 'тот, кто совершает злодеяния или способен на них, преступник'; 2. употребляется как бранное слово; 3. *устар.* 'преступник; убийца' и польск. *złodziej* 'тот, кто занимается воровством; вор, похититель'. В русский язык в данном случае перешло большее количество значений древнерусского слова-прототипа по сравнению с польским. Однако сема 'преступление' сохранилась в значениях и русского, и польского слова.

б) польские слова обладают большим семантическим объемом, русские же соответствия употребляются в более узком, частном значении, напр., польск. *łaska* 1. 'милость, благосклонность; любезность; помилование; одолжение'; 2. 'любезность, одолжение; снисхождение' и рус. *ласка* 'проявление нежности, любви'. Ср. рус. *щуплый* и польск. *szczipły* 1. 'худошавый, сухошавый, поджарый; тонкий; стройный'; 2. 'скудный; ограниченный; малочисленный'.

Семантически *„пересекаются“* русские и польские слова, восходящие к одному этимону и имеющие на синхронном срезе „противоположные“ значения. При этом некоторые такие пары развивают так наз. *межъязыковую антонимию* (см. Плотников 1979) либо *энантиосемию* (Балалыкина 1985), например, *вонь* 'дурной запах' / *woń* 'запах, аромат' и *уродливый* 'безобразный' / *urodziny* 'красивый; прекрасный; хорош собою; отборный' (ср. польск. *uroda* 'красота'), *младенец* 'дитя, ребенок' / *młodzieniec* 'молодой человек, юноша'.

Случаи таких резких антонимичных различий генетических коррелятов свидетельствуют о глубоких изменениях, которым подверглись эти некогда тождественные слова в процессе исторического формирования и развития лексических систем славянских языков. Однако семантическое сближение формально сходных русских и польских слов возможно даже при расхождении значений. Этому способствует наличие у анализируемых лексем некоторых общих смысловых элементов (например, сема 'внешность' у триады рус. *уродливый* – укр. *вродливий* – польск. *urodzliwy*).

Семантические отношения дизъюнкции могут быть обусловлены и *внутриязыковой* омонимией. Например, рус. *брак* I 'супружеские отношения, законно оформленные'; *брак* II 'недоброкачественные, с изъяном предметы производства'; 'изъян, повреждение' и польск. *brak* 'нехватка, недостаток чего-либо, отсутствие кого-л., чего-л.'. Ср. также польск. *celny* I 'меткий', *celny* II 'превосходный; отборный', *celny* III 'таможенный' и рус. *цельный* 1. 'состоящий из одного вещества, куса; сплошной'; 2. 'не разбавленный'; 3. 'целостный'.

Между формально сходными многозначными лексемами двух языков могут быть самые разнообразные типы отношений. При *частичном* совпадении семантики полисемичных слов выявляют отношения *включения* и *пересечения* (ср. напр., Ровдо 1980). Соотношение типа А ≈ В имеет две разновидности (ср. Федорчук 2001). В зависимости от того, на чем основывается частичное совпадение лексических значений сопоставляемых слов, выделяем следующие типы формально-смысловых соответствий между русскими и польскими омопарами: 1) $R \subset P$ или $P \supset R$ (семантическое отношение *включения*: русское слово по объему лексического значения (ЛЗ) может быть больше либо меньше польского слова); 2) модель $R \cap P$ (семантическое отношение *пересечения*: в ЛЗ каждого из слов есть совпадающая часть и несовпадающие элементы).

В модели $R \subset P$, отношение семантического включения (где включающим является значение польского слова) наблюдается в лексических омопарах: *дашний* / *dawny* и *памятка* / *pamiętka*.

В реляциях семантического включения (тип $R \supset P$) включающим является многозначное русское слово. Так, например, русское слово *кисть* помимо основного значения 'часть руки от запястья до конца пальцев', а также 'скопление плодов на одной ветке; гроздь' свойственных и польской лексеме *kiść*, имеет еще три ЛСВ: 2. 'украшение в виде стянутого сверху пучка ниток, шнурков'; 3. 'пучок ровных щетин, волосков на рукоятке для нанесения краски, клея, лака'; 4. *перен.* 'искусство живописи'. Различия в подобных случаях (*дашний* – *dawny*, *памятка* – *pamiętka*, *кисть* – *kiść*) обусловлены наличием самостоятельных означаемых, входящих в одном из языков в структуру многозначного слова. Подобные отношения возникают в тех случаях, когда в значении слова одного языка имеется больше семем или сем, чем в значении другого языка.

Как уже упоминалось, семантические различия в объемах однокорневых лексем могут быть связаны и с развитием *переносных* значений в одном из языков. Примером может служить межъязыковая омонимичная пара рус. *болячка разг.* 'небольшая рана на коже; язва, опухоль, чирей' и польск. *bolączka* 1. = рус. *болячка*; 2. *перен.* 'трудность; проблема; большой вопрос': *Bolączki społeczne.* 'Общественные проблемы'.

Usuwać bolączki. 'Устранять трудности (проблемы)'. Омонимия возникла здесь в результате появления метафорического переноса (ЛСВ 2) в польском языке.

Отношение *семантического пересечения* модель (РП) наблюдаются в тех случаях, когда значения сопоставляемых слов как бы накладываются одно на другое (то есть в них имеются совпадающие элементы), но в то же время у каждого из сопоставляемых слов остается несовпадающая семантическая часть.

Так, например, в семантических отношениях пересечения находятся и русско-польские омонимы *zabawa / zabawa* 1. 'игра; развлечение'; 2. 'бал, танцевальный вечер'; 3. 'забава, потеха'. Несовпадение семантических структур многозначных слов в разных языках, как известно, является одним из наиболее заметных расхождений, которое отражает существенные особенности лексических систем языков и наблюдается в различных двуязычных ситуациях. Наиболее яркие примеры различий по признаку моносемант – полисемант чаще обнаруживаются в языках, которые имеют большую родственную отдаленность.

Типы семантических реляций, описанные на уровне слова, не исчерпывают многообразия семантических отношений между русско-польскими межъязыковыми омонимами. Глубина разработки значения – еще одна теоретическая проблема современной лексикологии и лексикографии. Помимо собственно семантических различий между русско-польскими омонимами могут существовать более сложные отношения (Норман 2004). Они наблюдаются в тех случаях, когда на смысловые несоответствия наслаиваются стилистические и функциональные расхождения. Различия по прагматическому значению являются наиболее значительными и могут составить предмет самостоятельного изучения.

Если разделение ЛСВ в границах лексемы – это, можно считать, разработка семантической структуры слова „вширь”, то проникновение внутрь каждого ЛСВ отдельных русско-польских омонимов, вплоть до отдельных сем, – это перспектива развития семасиологического исследования „вглубь” и остается пока делом будущего.

Итак, исследование показало, что в ПВ межъязыковые русско-польские омонимы в разряде существительных представлены во всех трех разновидностях, известных в классификации внутриязыковых омонимов – это межъязыковые *фонетико-графические* (полные лексические омонимы или – чаще – омоформы), *графические* (омографы) и *фонетические* (омофоны).

Рассмотрение меры частотности трех названных типов русско-польских межъязыковых соответствий омонимического характера в ПВ целесообразно завершить статистическими выводами. Из 396 русско-польских омонимов (в разряде существительных) нашего общего списка 61 % составили *фонетико-графические*, 22 % – омонимы *графические*, и только 17 % составляют омонимы *фонетические*. Эти данные говорят о том, что для русско-польских омонимов (в разряде существительных) в большинстве случаев характерно почти полное (фонетико-графические) тождество формы. Причины подобных формальных совпадений у существительных двух славянских языков – прежде всего в их этимологическом родстве. В то же время семантика, как сфера более подвижная (по сравнению с фонетической формой), определяет существо различий слов-омонимов, их семантическое несовпадения; мало того, зачастую – отнесенность к разным языковым мирам (Черемисина 1992; Новикова, Черемисина 2000).

Несколько иная картина с точки зрения ПВ складывается в сфере межъязыковых омонимов из разряда имен прилагательных.

Третья глава – «**Межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема**» – посвящена проблеме лексикографического описания данной категории лексики и принципам составления двуязычного словаря межъязыковых омонимов/паронимов.

Практика составления двуязычных словарей показывает, что «ложные друзья переводчика» в иных случаях оказываются также «ложными друзьями» лексикографа. Об этом свидетельствует, в частности, неудовлетворительная трактовка некоторых слов этой категории в русско-польских и польско-русских словарях (см., напр., Шахрай 1955; Wawrzyńczyk 1982).

Современное оживление внимания к лексикографическим вопросам лингвистических исследований связано с развитием новых лексикографических жанров в межкультурном контексте. Интенсивное развитие словарного дела, особенно таких актуальных сегодня направлений, как двуязычная учебная и культуроведческая лексикография (например, Дубичинский 1993; Берков 1996), заставляет лингвистов обратиться к проблемам, которые новыми для лексикографических описаний не являются, однако требуют новых подходов для успешного решения в современных условиях. Одна из таких проблем – проблема лексических параллелей – связана с описанием семантики лексических единиц средствами иностранного языка, в которой сталкиваются многие вопросы теории и практики (Дубичинский 1992; 1993). Она фокусирует теоретические интересы различных сфер лингвистических исследований – семантики, лексикологии, переводоведения, лингвокультурологии, когнитивистики, а также лингводидактики. Такого рода исследования стимулируют также развитие лексикографии. Возрождается особый лексикографический жанр – *дифференциальный двуязычный словарь*, включающий только ту лексику, которой различаются описываемые языки.

В последние десятилетия славянская лексикография активно пополняется новым типом изданий – словарями, сохраняющими в той или иной форме название *ложных друзей переводчика* (например, Акуленко, Комиссарчик, Погорелова, Юхт 1969; Готлиб 1972). Издания эти объединяют пары (иногда тройки или даже четверки) слов двух (и более) языков, совпадающих или сходных по форме, но различающихся по своему значению (напр., Мякишев 1996; Дубичинский 1992; 1993; Popović, Trostinska 1993). Слова разных языков, совпадающие по форме, но различающиеся своим значением, именуют также *лексическими параллелями*, *лексическими ловушками*, *мнимыми эквивалентами*, *псевдоэквивалентами*, *аппроксиматами*, *тавтонами* и т.п. Но, пожалуй, самое частое название для «ложных друзей переводчика», используемое в современной науке, это *межъязыковые омонимы (и паронимы)*. Русский и польский языки стали объектом такого рода описания как для неславянского «фона» (Акуленко, Комиссарчик, Погорелова, Юхт 1969; Муравьев 1969; Готлиб 1972; Lipczuk, Bilut-Homplowicz, Kańny, Schatte 1995; Rudolf 2003 и др.), так и для славянского (Кочерган 1997; Vlček 1966; Szalek, Nečas 1993; Šipka 1999; Tokarz 1998; 1999 и др.), однако в подобном ключе в зеркале обоих языков масштабному лексикографическому описанию пока не подвергались.

Справедливости ради отметим, что в Польше была попытка создания русско-польского словаря межъязыковых омонимов: свыше 40 лет тому назад вышел под несколько вычурным названием словарь И. Козелевского (Kozielewski 1959), который

включал в себя около 900 пар (иногда троек или четверок) слов двух языков, совпадающих по своей форме. Вместе с тем, отсутствие примеров словоупотребления (речевых контекстов) не позволяло в полной мере воспользоваться книгой всем тем, для кого она в принципе была бы полезна: переводчикам, редакторам, преподавателям. По степени семантической разработанности материала словарь Козелевского оставляет сегодня желать лучшего. Последнее замечание в равной степени относится к недавно вышедшему в Польше „Словарию русско-польских омонимов” М. Шалэка (Szalek 2004), в котором можно найти и спорные моменты, и некоторые недочеты общего порядка, не позволяющие развернуто охарактеризовать Словарь польскому и русскому читателю. Не определены, в частности, понятие межъязыкового омонима (паронима) и границы описываемого материала, поэтому „омонимический” статус отдельных пар, включенных в Словарь, можно оспорить. Предисловие, к сожалению, столь минимизировано, что такой характеристики пользователь не получает.

Существовавшую до последнего времени лауну в польской (и русской) лексикографии призван заполнить составленный автором настоящей работы „Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych – Русско-польский словарь межъязыковых омонимов” (Kusal 2002), включающий в себя около 1400 пар русско-польских омонимов и паронимов.

Академик Л.В. Щерба, обосновавший теорию активной и пассивной грамматики языка, говорил, что для каждой пары языков необходимо иметь четыре словаря: например, для русского и французского языков нужно иметь француско-русский и и русско-француский словарь для русских и такие же словари для французов (Щерба 1974), поскольку принципы построения француско-русского словаря будут зависеть от того, предназначен ли он для русского или француского читателя. В первом случае это будет словарь *пассивного* типа, в котором *исходный* язык менее знаком пользователю, а *язык-цель* – его родной язык. Задача такого словаря – раскрыть значение слова, тогда как нужный перевод в условиях конкретного контекста может найти сам читатель, опираясь на свою компетенцию в области родного языка. Неслучайно поэтому при обучении переводчиков им советуют: чтобы найти точный перевод, совершенно необходимо посмотреть в словарь, но лучшим окажется тот перевод, которого в словаре нет.

С иной ситуацией мы сталкиваемся во втором случае. Здесь перед нами – словарь *активного* типа, где язык левой части словаря является родным (или более знакомым) для читателя, тогда как язык правой части ему знаком меньше. Обращаясь к подобному словарю, читатель ищет не разъяснения значения переводимого слова (он его и так знает), а указаний, которые позволили бы ему найти точный эквивалент в языке-цели. Основная трудность, с которой встречается как составитель, так и пользователь словаря, заключается в том, что словарь представляет слова как элементы языка-системы, тогда как люди говорят фразами, относящимися к уровню речи. При переходе от языковой системы к речи слова претерпевают различные семантические и грамматические модификации, и задачей двуязычного словаря активного типа является максимально возможный показ этих изменений. Специфика словаря активного типа проявляется в его макроструктуре, в его микроструктуре (устройство отдельно взятой статьи), в принципах отбора языкового материала и в принципах обработки этого материала.

Опыт составления словаря межкультурных омонимов дает, как кажется, возможность ответить на некоторые острые вопросы сопоставительной лексикографии. Ниже предлагается обобщение такого рода проблем.

Первая проблема, с которой сталкивается составитель подобного словаря, – это *принципы отбора материала* (§2). В самом деле, что считать межкультурными омонимами? До какой степени сопоставляемые слова двух языков должны формально совпадать? Должны ли они в буквальном смысле быть идентичны друг другу (разумеется, с поправкой на графику), как, например, русские и польские лексемы *доска* – *dawka* ‘доза; порция’, *дорожка* – *drożka* ‘дорожка, тропинка’, *запinka* – *zapinka* ‘застежка; заколка’, *бут* – *but* ‘сапог, ботинок’, *блат* – *blat* ‘плита, доска’, *брак* – *brak* ‘нехватка; недостаток; отсутствие; пробел’, *груда* – *gruda* ‘глыба; промерзшая земля’, *рок* – *rok* ‘год’, *задавать* – *gadać* ‘болтать, трепаться’, *убавить* – *ubawić* ‘развеселить, насмешить, потешить; развлечь’, *умилить* – *umilić* ‘скрасить, сделать приятным’, *упоминать* – *upominać* ‘делать замечания; ставит на вид; увещевать, журить’, *заточить* – *zatoszyć* 1. ‘закатить, вкатить’; 2. ‘совершить криволинейное движение’ и т.п. или же достаточно приблизительного сходства (Бунчич 2002; Норман 2004)? При этом достаточно ли сходства только в одной форме – звуковой или буквенной – или же следует учитывать и ту, и другую языковую материю (ср. примеры вроде *ласка* – *laska/laska* 1. ‘милость, благосклонность; 2. ‘любезность, одолжение’ / ‘1. трость, палка; 2. ‘жезл’, *сборка* – *zbiórka* 1. ‘сбор; линейка’; 2. ‘сбор, собрание’, *любезный* – *lubieżny* ‘сладострастный, похотливый; развратный’)? Далее, нужно ли принимать во внимание лишь регулярные, исторически обусловленные соответствия нетождественных звуков и букв, типа *завлекать* – *zawlekać* ‘затаскивать, затагивать’, *резать* – *rzeź* ‘резня’, *обратный* – *obrotny* ‘оборотливый, ловкий; предприимчивый’, *пригодный* – *przygodny* ‘случайный’, *нарекать* – *narzekać* ‘жаловаться, сетовать’, *преставиться* – *przestawić się* ‘переключиться’, *скалотить* – *skłócić* 1. ‘поссорить’; 2. ‘сместить, взболтать’, *сохраниться* – *schronić się* ‘укрыться, спрятаться, скрыться’, *умыкнуть* – *umknąć* ‘убежать; ускользнуть’, *ушить* – *uszyć* ‘сшить’, *растворить* – *roztworzyć* ‘раскрыть, открыть’, *протравить* – *przetrawić* 1. ‘переварить; усвоить’; 2. ‘вытравить; разесть’, *порожняк* – *próżniak* ‘бездельник, лентяй, лодырь’, *халда* – *halda* ‘отвал’, *частный* – *ciasny* ‘тесный’, *лесный* – *leśny* ‘лесной’, *властный* – *własny* ‘собственный’ и т.д.)? Это значит: следует ли исходить из научных (историко-фонологических) оснований или же из сугубо практических (лингво-психологических) потребностей?

Иными словами, можно по-разному формулировать критерий межкультурной омонимичности, поднимая планку формального совпадения то выше, то ниже. В зависимости от этого будет сильно различаться и объем словаря (Норман 2004).

Что касается отбора материала, то обычный двуязычный словарь *пассивного* типа представляет собой своеобразный компромисс между двумя языками. Поскольку задача подобного словаря – раскрыть общие значения слов, то в качестве иллюстраций обычно берутся те синтагмы, в которых слово переводится более или менее просто; случаи, составляющие переводческую трудность, опускаются (напр., Koziński 1959; Tokarz 1998), за исключением устойчивых выражений, которые следует рассматривать не как иллюстрации к значениям слова, а как своего рода „подстатьи” (напр., Szatek 2004; Šipka 1999, Rudolf 2004 и др.).

Такой подход неприемлем для словаря межъязыковых омонимов, который должен показывать именно пути преодоления переводческих сложностей, являясь тем самым словарем *активного* типа, который в равной (одинаковой) степени адресован и российскому и польскому пользователю.

Для лексикографа важно одно: выбрав какой-либо один практический подход, в дальнейшем последовательно его соблюдать. Следует сразу оговориться, что нами выбрано максимально широкое понимание межъязыковой омонимии (см. Глава 1). При таком – широком – подходе вполне закономерны русско-польские омонимы, как *гарнитур* – *garnitur* ‘костюм’, *китель* – *kitel* ‘халат’, *криминалист* – *kryminalista* ‘уголовник’, *отбить* – *odbić* ‘отразить’, ‘отчаливать’, *ответ* – *odpowiedź* ‘ответ’, *плеть* – *pleć* ‘пол’, *провиизия* – *prowiżja* ‘комиссионные’, *шкала* – *skala* ‘шкала, масштаб’, *скоро* – *skoro* ‘если, раз’ (союз), *спешиться* – *śpieszyć się* ‘торопиться’, *табор* – *tabor* ‘обоз’, ‘парк (вагонный и т.п.)’, *талия* – *talia* ‘колода (карт)’, *течка* – *teczka* ‘портфель’, *часто* – *ciasto* ‘торт, пирог’ и др. Принимая широкую трактовку межъязыковой омонимии, автор этих строк включает в словарь и такие паронимы, как *девуз* – *dewizu* ‘валюта’, *дерзкий* – *dziarski* ‘бравый; лихой’, *древний* – *drzewny* ‘древесный’, *каморка* – *komórka* ‘клетка, ячейка’, а также ‘сотовый телефон’, *карточка* – *karteczka* ‘листок’, *огонь (огонек)* – *ogon (ogonek)* ‘хвост, (хвостик)’, *пегий* – *piegi* ‘веснушки’, *приятный* – *przyjemny* ‘приятный, милый’, *превратный* – *przewrotny* ‘коварный; лицемерный’, *представление* – *przedstawienie* ‘перестановка, перемещение’, *стебель* – *szczebel* ‘перекладина; ступенька; ‘уровень’ и т.п.

Следует, кстати, сразу отметить: словарь такого рода всегда *асимметричен*, т.е. наличие русско-польского словаря омонимов не исключает (а наоборот, предполагает) наличие или создание аналогичного польско-русского словаря, хотя автоматическое „переворачивания” словника справа налево здесь не принесет желаемого лексикографического результата.

Способ учета и интерпретации „ложных друзей переводчика” служит накоплению опыта и решению некоторых теоретических проблем двуязычной лексикографии.

Одна из них – это *фиксация и разработка полисемичного слова*. Если слова *моносемичны*, то и в словаре межъязыковых омонимов с ними особых проблем не возникает. Так, рус. *пушка*, *пытка*, *синица*, *сумка*, *щур*, *пытать*, *ниш*, *споро* внешне совпадают с польск. *puszka* ‘банка’, *pytka* ‘плетка, хлыстик’, *sinica* ‘цианоз; синюха’, *sumka* ‘небольшая сумма (денег)’, *szczur* ‘крыса’, *pytać* ‘спрашивать’, *nic* ‘ничто’, *sporo* ‘немало, порядочно, прилично’. Перед нами формальные эквиваленты, имеющие, с одной стороны, яркое поверхностное сходство, а с другой стороны, существенно отличающиеся друг от друга в функционально-семантическом плане.

Сложнее обстоит дело в том случае, если межъязыковые омонимы в каких-то из своих значений совпадают, а в каких-то расходятся. Некоторые лексикографы говорят в таких случаях о *частичной эквивалентности*, или о *неполных лексических параллелях*, и отграничивают подобную ситуацию от *ложной эквивалентности* (напр., Дубичянский 1998). В нашем же словаре (см. Приложение 2) случаи частичной эквивалентности рассматриваются наряду с „классическими” омонимами, но подаются они только в своей различающейся части. Например, у русского слова *тлеть* есть несколько значений, в том числе ‘догорать’ и ‘разрушаться, гнить’. Первое из них присутствует и у польского

tleć; зато второго нет. Поэтому РПС фиксирует только дифференциальную часть значения русского глагола; значения же ‘догореть’ при русском глаголе не приводятся. Ср. *taksa – taksa, udar – udar, przychód – przychód, фамилия – familia, – czerstwieć, просто – prosto* и т.п.

В вопросе о подаче многозначного слова сталкиваются несколько факторов. С одной стороны, над составителем словаря довлеет гипноз формального единства слова. Немаловажным является и требование экономии места. С другой стороны, коммуникативная практика требует по возможности более подробной и четкой филиации значений. Эти две тенденции сталкиваются друг с другом. Лексикографу поэтому приходится исходить из прагматической целесообразности, вытекающей из факта, что носитель языка имеет дело с отдельными лексико-семантическими вариантами слова (Норман 2004). То, что эти ЛСВ взаимодействуют друг с другом в составе значения, не отрицает их принципиальной автономности (ср. Gibbs, Matlock 1997). Именно они – лексико-семантические варианты – функционируют в сознании носителя языка при порождении и восприятии текста, и именно их соответствия или несоответствия следует фиксировать в словарях. Иначе говоря, лексикографу надо привыкать работать с единицами меньшими, чем слово.

Так, например, польск. *jałowy*, кроме значения ‘яловый, бесплодный’, имеет значения ‘пустой, бессодержательный’, ‘холостой’ (ср. *jałowa rozmowa* – ‘пустой, бессодержательный разговор’, *jałowy bieg motoru* – ‘холостой ход мотора’, и т.п.) – и, стало быть, вполне заслуживает включения в словарь межъязыковых омонимов. Польск. *humor*, кроме значения, соответствующего рус. *юмор*, имеет еще значения ‘настроение’, ‘каприз’ (ср. *poczucie humoru* – ‘чувство юмора’, *czarny humor* – ‘черный юмор’, *być w dobrym humorze* – ‘быть в хорошем настроении’, *znosić czyjeś humory* – терпеть чьи-либо капризы) и, следовательно, опять-таки представляет собой межъязыковой омоним. Польский глагол *mieć*, кроме значения, равноценного русскому *иметь*, используется еще в функции модального глагола: *mam coś zrobić* значим ‘я должен (мне предстоит) что-то сделать’. Точно так же *akademik* по-польски это не только ‘академик’, но и ‘студенческое общежитие’, *delegacja* – не только ‘делегация’, но и ‘командировка’, ‘командировочное удостоверение’, *fatalny* – не только ‘фатальный’, но и ‘ужасный, кошмарный’, *indeks* – не только ‘индекс’, но и ‘зачетная книжка’, *opierać się* – не только ‘опираться’, но и ‘сопротивляться’ и т.д. Подобных примеров не совпадающих лексико-семантических вариантов в двух языках можно найти еще немало. Вообще при сопоставлении и анализе межъязыковой интерференции этот тип схождения/расхождения является особо „интерферентным”. Частичное семантическое отличие межъязыковых омонимов создает условия для „вибрации” между родным и неродным языком.

Глубина разработки значения – еще одна теоретическая проблема современной лексикографии. Сегодняшние знания о содержательной структуре слова не удовлетворяются представлением о сумме семантических компонентов или даже о „произведении сем”. Оказывается, что эти семы имеют разную природу и разный вес в структуре значения (см., напр.: Стернин 1985). Одни из них, условно говоря, „центральные”, осознаются ярче и фиксируются легче. Они и в случае с межъязыковыми омонимами представлены лучше, чем семы, относящиеся к периферии значения. Последние оттенки, нередко образующие прагматико-стилистическую, коннотативную сферу семантики слова, фиксируются труднее.

Это в полной мере относится и к РПС. Здесь мы находим массу слов с неполным набором общих сем. Точнее, какие-то семы для русского и польского слова оказываются общими, а какие-то – различительными, дифференциальными. И соотношение этой «общей» и «дифференциальной» части в каждом случае свое. Так, словарь фиксирует омонимическую пару рус. *жаба* 'gorucha' – польск. *żaba* 'лягушка'. Для массового русскоязычного сознания *жаба* и *лягушка* – очень близкие понятия. И то, и другое – животные, земноводные, живут в воде или в сырых местах, холодные, со слизистой кожей, вызывают отвращение. Таких общих признаков – большинство. А различаются *жаба* и *лягушка* (для среднестатистического носителя языка) фактически только двумя признаками: *жаба* крупнее и у нее – бородавчатая кожа. Тем не менее, этого оказывается достаточно, чтобы считать слова *жаба* и *żaba* межязыковыми омонимами.

Именно такие случаи (а не хрестоматийные *запомнить* – *zapamiętać* 'забыть', *диван* – *dywan* 'ковёр', *ковёр* – *kawior* 'икра', *люстра* – *lustra* 'зеркало' и т.п.) представляют собой наиболее частые «подводные камни» для деятельности переводчика или учащегося. Все эти случаи, несомненно, заслуживают внимания лексикографа. И все же спрашивается: насколько велико должно быть семантическое расхождение между лексемами для того, чтобы они могли быть признаны достойными включения в словарь межязыковых омонимов? Ведь иногда единственное, что различает план содержания слов, – это экскрессивно-стилистические коннотации или прагматические оттенки (ср. семантику рус. *хам* и польск. *cham*, которая в своей денотативной части одинакова: это взрослый человек, мужского пола, невежливый (не соблюдающий правил приличия), неотесанный и необразованный, грубый и т.п. Естественно, РПС не включает в себя этой пары. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что у русского слова заметнее оттенок 'наглец', легко придающий слову свойства инвективы. За польским же словом стоят несколько иные ассоциации: это 'мужик, крестьянин, простолудин'. Ср. рус. *холера* и польск. *cholera*, рус. *торба* и польск. *torba*, рус. *гребень* и польск. *grzebień* и т.п. (Норман 2004)

Еще одна теоретическая проблема, связанная с отбором лексики для словаря межязыковых омонимов, – это отношение к лексическим маргиналиям. А именно: следует ли учитывать историзмы и архаизмы, просторечные и диалектные слова, узкоспециальные термины и потенциальные образования – то есть все то, что традиционно остается за пределами литературной нормы? (ср. Мякишев 1996; Федорчук 2000). Речь идет о парах слов типа *драпать* – *drapać* 'царапать', *дороги* – *drogi* 'дорогой', *думный* – *dmny* 'гордый, высокомерный', *намет* – *namiot* 'палатка, шатер', *острог* – *ostróg* 'крепость', *ссать* – *ssać* 'сосать', *халда* – *halda* 'отвал', *гривна* – *grzywna* 'штраф', *замах* – *zamach* 'покушение', *пизжа* – *piżma* 'мускус', *средник* – *średnik* 'точка с запятой', *фалда* – *falda* 'складка', *халава* – *chława* 'голенщик' и так далее.

Показательны в этом плане и русские жаргонно-просторечные слова типа: *загнуть* 'продать; перепродать', *замазанный* 1. 'находящийся под наблюдением милиции'; 2. 'скомпрометированный', *достать* 'замучить, лишить спокойствия'; сильно надоест кому-л., *подставить* 'поставить кого-л. в неловкое положение', *надуть* 'обмануть', *опустить* 1. 'унизить, оскорбить' 2. 'изнасиловать', *засыпать* 'предать, выдать кого-л.', *светиться* 'появляться где-л.; быть заметным, замеченным' где-л., *капать* 'доносить на кого-л.', *косить* 1. 'подражать кому-л.'; 2. 'уклоняться от чего-л.' и др., основная семантика которых сохранилась в польских аналогах: *zagnąć*, *zamazany*, *dostać*, *podstawić*,

nadać, opuścić, zasypać, świecić się, kapać, kosić). Иногда же, наоборот, русское слово вполне соответствует литературной норме, но его польский омоним несет на себе жаргонную или терминологическую окраску – и такие случаи безусловно должны были бы найти отражение в словаре, ср. лексемы вроде *глина* – *głina* ‘полицейский, милиционер’, *безуны/безунок* – *biegunka* ‘понос’, *бетон* – *beton* ‘человек, неохотно меняющий свои взгляды; консерватор’, *выпад* – *wypad* ‘поездка’, *жила* – *żyła* 1. ‘скупердяй; 2. ‘сяльный, человек’; 3. ‘принципиальный, требовательный человек’, *жабка* – *żabka* 1. *спорт*. ‘вид прыжка; 2. *спорт*. ‘басс’; 3. *техн.* ‘натяжка, лапка’ *жито* – *żyto* ‘ржаная водна’ и т.п. (Норман 2004).

Несмотря на то, что эти русские и польские лексемы находятся на периферии словарного состава, для межъязыкового сопоставления они представляют несомненный интерес также как один из источников русско-польской омонимии. В настоящее время наблюдается активное использование в устной речи слов, словосочетаний и устойчивых выражений из сферы субстандарта, главным образом, из сферы просторечия и жаргона.

Надо сказать, что русский и польский языки и в этой сфере чрезвычайно богаты единицами близкими по форме, но различными по содержанию, которые вступают в омонимические отношения. Обладая интерферентным потенциалом, они создают иллюзию взаимопонимания, при фактическом отсутствии такового. Ср.: *товар* ‘краденая вещь’ – *towar* ‘девушка, женщина’, *кантовать* ‘бить’ – *kantować* ‘обманывать’, *еко-пать* ‘сделать что-л. интенсивно’ – *wkopać* ‘выдать кого-л.’, *висеть* ‘находиться под стражей’ – *wiszieć* ‘задолжать кому-л.’, *заправить* ‘обмануть кого-л.’ – *zaprawić* ‘ударить кого-л.’, *набраться* ‘напиться пьяным’ – *naprać się* ‘обмануться’, *бимбер* ‘часы’ – *bimber* ‘самогон’, *шауба* ‘лицо’ – *szajba* ‘психически больной’, *амба* ‘безвыходное положение, крах, обвал’ – *amba* ‘незнакомое лицо’, *кабель* ‘глупец, дурак’ – *kabel* ‘донецкий, осведомитель’, *кишка* ‘обжора’ – *kiszka* ‘покрышка, шина’ и т.п.

Во всех этих случаях критерий употребительности русских словарных единиц дополняется принципом контрастивного сравнения (восприятия) с выходным языком.

В своем комментарии к явлению межъязыковой омонимии мы фактически затрагивали различные аспекты значения слова: парадигматический, сигматический, прагматический. Не составляет исключения и *синтагматический* аспект: он также принимает участие в распознавании и интерпретации „ложных друзей переводчика”. *Сочетаемость слова* наиболее важна для семантики глагола (в соответствии с организующей ролью данной части речи во фразе). Так, например, польск. *wyjaśnić* требует зависимых форм *komu? co?* – и это опять-таки сигнал межъязыковой омонимии: *wyjaśnić* значит не ‘выяснять (для себя)’, а ‘объяснять, разъяснять (кому-то)’. Польское *gościć* – это не только ‘гостить’, но и ‘принимать в качестве гостя’: об этом свидетельствуют отличия в управлении: *gościć kogo?*. Польское *zalegać*, кроме управления, свойственного русскому *залегать*, может также требовать в качестве зависимой формы имя в вин. п. без предлога (*zalegać co?*) или же в т.в. п. с предлогом *z* (*zalegać z czym?*) – это опять-таки проявления особых значений данного глагола (соответственно ‘заполнять’ и ‘отставать’). Подобные особенности присущи также глаголам *kiwać, przenikać, spełniać, wozić się, zarastać* и др. – и во всех случаях у нас есть основания для выделения пар польско-русских омонимов.

Конечно, если учесть все перечисленные пожелания и идти далее по пути максимально широкого учета сходного лексического материала (с фиксацией как отдельных

ЛСВ, так и периферийных, в том числе коннотативных, сем), то объем словаря РПС значительно вырос бы. Возможно, в нем стало бы не 1400 омонимичных пар, а в два или в три раза больше. Возникает вопрос – не получится ли в таком случае, что объем словаря межъязыковых омонимов приблизится к объему двуязычного словаря как такового? В перспективе это не исключено, но бояться этого, на наш взгляд, не следует: такова языковая реальность. Ведь усилия современной лексикографии как раз и направлены на то, чтобы отразить семантику слова во всем ее богатстве, а тем самым приблизиться к пониманию специфики лексической системы. Расширение корпуса такого словаря, однако, потребует пересмотра некоторых традиционных взглядов на межъязыковую омонимию и детализированного анализа семантических, синтаксических и стилистических особенностей соответствующих лексических пар.

Принципы построения русско-польского словаря межъязыковых омонимов освещаются в § 4 настоящей работы.

Исходя из принятого в нашей работе определения межъязыкового омонима, предлагаемый русско-польский словарь межъязыковых омонимов должен отражать как „классические” омонимические пары, образованные случайным звуковым совпадением (*бур* – *bór*, *вертеп* – *wertep*, *вуз* – *wóz*, *кит* – *kił*, *морс* – *mors*, *ниц* – *nić*, *халда* – *halda* и т.п.), так и исторически закономерные межъязыковые фонетические параллели (*вошь* – *woń*, *злодей* – *złodziej*, *смысл* – *zmysł*, *живность* – *żywność*, *доконать* – *dokonać*, *заставить* – *zastawić*, *топить* – *topić*; *беспечный* – *bezpieczny*, *личный* – *liczny*, *опорный* – *oporny*; *вольно* – *wolno*, *огулом* – *ogółem*, *смутно* – *smutno* и т.д.). Сюда же примыкают и межъязыковые паронимы, т.е. случаи частичного звукового (и морфологического) сходства, обусловленного генетической общностью сопоставляемых слов, при их семантическом (полном или частичном) различии: *возраст* – *wzrost*, *клятва* – *klątwa*, *пять* – *pieść*, *скарред(а)* – *szkarada*, *утроба* – *wątroba*, *чванство* – *swaniactwo*; *блудный* – *błędny*, *дремучий* – *drzemiący*, *заведенный* – *zawiedziony*, *загорелый* – *zagorzały*, *коренной* – *korzenny*, *чудной* – *ciudy/ciudowny*; *вечереть* – *wieczerać*, *морочить* – *mroczyć*, *потакать* – *potakiwać*; *нагло* – *nagle*, *особенно* – *osobno*, *преспатно* – *przewrotnie* и т.п.

Как известно, омонимия/паронимия как языковое явление полного или частичного совпадения плана выражения языковых единиц при абсолютном или частичном отличии их плана содержания наблюдается не только в лексике, но и на других уровнях языковой структуры (т.е. на морфологическом, синтаксическом и фразеологическом уровнях). Этот факт позволяет отметить случаи (правда, редкие) межуровневой омонимии/паронимии слова и словосочетания (где словосочетание трактуется как *фонетическое слово*) и включить в корпус словаря пары типа: *вкупе* – *w kupie* ‘в куче’, *вместе* – *w mieście* ‘в городе’, *зарок* – *za rok* ‘через год’, *затемно* – *za ciemno* ‘слишком темно; темновато’, *затылок* – *za tyłek* ‘за задницу’, *злыдень* – *zły dzień* ‘плохой день’, *напоследок* – *na pośladek* ‘на ягодницу’, *невольно* – *nie wolno* ‘нельзя’, *тужить* – *tu żyć* ‘жить здесь’ и т.п., являющиеся потенциальным источником языковых ошибок.

Наряду с лексической омонимией, явление омонимии имеет место и в области *фразеологии*. По определению М.И. Сидоренко, омонимичными можно назвать «фразеологизмы, которые в исходной форме полностью совпадают в структурном отношении и ничего общего не имеют в своем значении» (Сидоренко 1966).

Если вопросы внутриязыковой фразеологической омонимии давно являются объектом внимания лингвистов (Истомина 1968; Ройзензон, Эмирова 1970; Сидоренко 1971 и др.), то проблемы фразеологической межъязыковой омонимии даже близкородственных языков, как это ни парадоксально, выпадают из поля зрения исследователей. В ряде работ, посвященных данному вопросу, а также в словарях межъязыковых омонимов, вышедших в Польше, межъязыковая фразеология полностью отсутствует как объект лексикографирования. Вместе с тем, опыт составления нами РПС показывает, что фразеологические системы русского и польского языков богаты единицами близкими по форме, но различными по содержанию, которые благодаря устойчивости своей структуры и семантики могут при общем формальном сходстве вступать в омонимические отношения.

В группе русско-польских фразеологических омонимов можно выделить два типа омонимических отношений, в которых участвуют русские и польские ФЕ:

1. *Внутриуровневая омонимия*, т.е. омонимия собственно фразеологических единиц, которая охватывает те случаи, когда два фразеологизма [Ф], совершенно одинаковые в плане выражения, не совпадают в плане содержания. Каждый из них в своем языке обладает самостоятельным значением. Ср.: \diamond ВОДЫ НЕ ЗАМУТИТ «очень скромн, тих, кроток» – WODY NIE ZAMĄCI «никому не навредит, не помешает», \diamond НА ЗУБОК «в подарок новорожденному» – NA ZĄB[EK] *разг.* «на закуску» \diamond В НАТУРЕ *жарг., угол.* «действительно, в самом деле» – W NATURZE «получать вознаграждение; платить продуктами, товарми», \diamond В САМУЮ ПОРУ – W SAMĄ PORĘ «вовремя, в подходящий момент», \diamond ПУСТИТЬ В ТРУБУ 1. «разорить, лишить денег, имущества»; 2. «тратить, расходовать зря, безрассудно» – PUŚCIĆ W TRĄBĘ «порвать отношения с кем-л., покинуть, бросить кого-л.» – \diamond ОТ РУКИ *разг.* «ручным способом» – \diamond OD RĘKI «сразу, немедленно», \diamond ОТ СЛОВА ДО СЛОВА «все целиком, от начала до конца» – \diamond OD SŁOWA DO SŁOWA «по мере развития беседы, разговора, дискуссии», \diamond УТКНУТЬ НОС *во что-л.* «не отрываясь, с увлечением читать, писать и т.п.» – \diamond WETKNAĆ NOS *wo co, do czego* «вмешаться, сунуться» и др.

2. *Межууровневая (или разноуровневая) омонимия*, т.е. омонимические противопоставления фразеологизмов и свободных сочетаний слов. В результате возникает омонимическая система, члены которой (свободное словосочетание // фразеологизм) принадлежат разным языковым уровням – синтаксическому и фразеологическому. Ср. \diamond В СЕРДЦАХ «в порыве гнева, раздражения» – W SERCACH, \diamond ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА 1. «свободный путь, без препятствий и задержек»; 2. *устар.* «наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России» – ZIELONA ULICA (т.е. улица, где много зелени), \diamond ОСТАТЬСЯ БЕЗ РУК «сильно устать, дойти до изнеможения от работы руками» – ZOSTAĆ BEZ RĄK (букв. «лишиться рук, стать инвалидом»), \diamond СВОЯ РУКА «свой человек, единомышленник» – SWOJA RĘKA (своя рука, а не чья-нибудь), \diamond В РУКУ «на пользу кому-л.» – W RĘKĘ (*poślować kogoś w rękę*, т.е. поцеловать кого-л. в руку), \diamond ДОЛГАЯ (ДЛИННАЯ) ПЕСНЯ «то, что требует много времени» – DŁUGA PIEŚŃ (т.е. длинная, продолжительная песня), \diamond С РУКАМИ И НОГАМИ 1. «целиком, полностью (выдавать, брать и т.п.)»; 2. «охотно, с удовольствием» – Z RĘKAMI I NOGAMI и т. д.

2.2. ФЕ в польском // свободное сочетание в русском: \diamond NA JEDNEJ NODZE (*robiec, skoczyć itp.*) «быстро, как можно скорее; НА ОДНОЙ НОГЕ (напр., стоять, прыгать); \diamond NA CZAS «вовремя; пунктуально» – НА ЧАС (отлучиться на час); \diamond DWA

BIEGUNY «два полюса» – ДВА БЕГУНА (напр., на короткую дистанцию), \diamond POKAZAĆ PLECZY « \diamond показать спину» – ПОКАЗАТЬ ПЛЕЧИ (а не руки, ноги, уши и т.п.) и т.п.

И, наконец, отметим еще одну особенность русско-польских фразеологических омонимов. Наряду с фразеологизмами-омонимами, представляющими собой одинаковый набор компонентов при разной сумме (алгебраической) их значений, в рамках обоих типов встречается довольно большая группа фразеологизмов, омонимические отношения между которыми формируются на основе *омонимии лексической* (как гомогенной, так и гетерогенной). Таковы, например, омонимические пары типа: \diamond ЗА ПЛЕЧАМИ 1. «в непосредственной близости, рядом»; 2. «в прошлом» – \diamond ZA PLECAMI «за спиной», \diamond БЕЗ ОКОЛИЧНОСТЕЙ «прямо, открыто» – BEZ OKOLICZNOŚCI «без обстоятельств», \diamond НА ЩИТЕ «возвращаться побежденным» – NA SZCZYCIE «на вершине»: *Za dwie godziny będziemy na szczycie.*, \diamond ПОД СПУДОМ «без использования; в забвении» – \diamond POD SPODEM «внизу» \diamond НА СОПЛЯХ 1. «кое-как, еле-еле»; 2. «очень плохо, непрочно» – NA SOPLACH «на сосульках», \diamond ПОД СЕНЬЮ 1. «под защитой, под покровительством»; 2. «под покровом, укрытием чего-л.» – POD SIENIĄ «у сеней», \diamond ВИТАТЬ В ОБЛАКАХ – WITAĆ W OBŁOKACH «досяг. приветствовать в облаках», \diamond ЗА ГЛАЗАМИ «когда или где никто не видит» – ZA GŁAZAMI «за валунами», \diamond НА ГЛАЗАХ 1. «так, что видно, заметно, известно кому-л.»; 2. «при жизни, во время деятельности кого-л.» – NA GŁAZACH «на валунах» и т.д.

Приведенный выше материал однозначно указывает на то, что межъязыковая фразеологическая омонимия – реальный лингвистический факт, требующий специального изучения. Многие устойчивые словосочетания демонстрируют „законсервированные” фразеологической системой „интерферосные” значения, что делает их весьма ценным материалом, отражающим „взрывоопасную” зону русско-польского взаимодействия.

В условиях билингвизма фразеологические единицы также как и лексемы провоцируют интерференционные ошибки и становятся причиной недопонимания при межкультурном общении. Автоматический перенос с одного языка на другой ФЕ тождественных или близких в структурном и фоническом отношении приводит к образованию ФЕ (а также словосочетаний), создающих порой комический эффект: ср. польск./рус. \diamond RYCINŁO W CZAS «слишком поздно» → РЫХЛО В ЧАС, \diamond SZLIFOWAĆ BRUKI « \diamond гранить мостовую» → ШЛИФОВАТЬ БРЮКИ, \diamond TOCZYĆ BÓJ «вести борьбу, войну; бороться» → ТОЧИТЬ БУЙ, \diamond CISKAĆ GROMY « \diamond метать громы и молнии» → ТИС-КАТЬ ГРОМЫ, \diamond GRUBA AWANTURA «крупный скандал» → ГРУБАЯ АВАНТЮРА, \diamond GRUBA RYBA « \diamond важная птица» → ГРУБАЯ РЫБА, \diamond LATAJĄCY DYWAN « \diamond ковер-самолет» → ЛЕТАЮЩИЙ ДИВАН, \diamond ANGIELSKA FLEGMA «невозмутимое спокойствие» → АНГЕЛЬСКАЯ ФЛЕГМА, \diamond KOŃSKA DAWKA «лошадиная доза» → КОНСКАЯ ДАВКА, DZIEŃ MATKI «День матери (общепольский праздник)» → ДЕНЬ МАТКИ; рус./польск. \diamond НА ГЛАЗ «примерно, приблизительно» → NA GŁAZ «на валун», \diamond ЗА МИЛУЮ ДУШУ 1. «с большим удовольствием, весьма охотно» → ZA MIŁĄ DUSZĘ, а также \diamond С ДУШКОМ → Z DUSZKIEM, \diamond РВАТЬ НА МЕСТЕ → RWAĆ NA MIEŚCIE, \diamond ТРАВИТЬ БАЙКИ → TRAWIĆ BAJKI и т.п.

Следовательно, без целевой установки на иронию, шутку, сарказм и другие семантические смещения, полноценное функционирование многих фразеологизмов невозможно.

Фразеологические межязыковые омонимы в славянских языках заслуживают последовательного лексикографического описания уже потому, что во многих словарях – как общих, так и специально фразеологических – они практически не обработаны. В нашем словаре сделана попытка описания некоторых оборотов такого рода, однако составление специальных словарей фразеологических межязыковых омонимов остается пока делом будущего.

С содержательной точки зрения основную группу корпуса словаря составляют лексические омонимы, т.е. слова одной части речи, разные по лексической семантике, например: *суц.* **щит** – *szczyt*, **жилетка** – *żyłetka*, **листопад** – *listopad*; *прилаг.* **штучный** – *szlusczny*, **заводной** – *zawodny*, **животный** – *żywotny*; *глагол.* **бодать** – *badać*, **ви-тать** – *witać*, **мешкать** – *mieszkąć*; *нареч.* **бесечно** – *bezpiecznie*, **разом** – *razem* и т.п.

Вторую, не менее многочисленную группу составляют лексико-грамматические омонимы (слова разных частей речи), т.е. омопары типа: **выжигать** (*суц.*) – *wyrzuca* (*глагол.*), **жечь** (*глагол.*) – *rzecz* (*суц.*), **лютый** (*прилаг.*) – *luty* (*суц.*), **кеды** (*суц.*) – *kiedy* (*местом.*; союз), **почитай** (*нареч.*) – *proszę* (*глагол.*), **подле** (*предлог*) – *podle* (*нареч.*), **часть** (*нареч.*) – *ciasto* (*суц.*) и т.п.

Настоящий словарь включает как моносемантические, семантически полностью дифференцированные слова (так называемые абсолютные или полные омонимы) типа: **блат** – *blat*, **вор** – *wór*; **выжигать** – *wyrzucać*, **ви-тать** – *witać*; **бесчинный** – *bezczylny*, **животный** – *żywotny* и под., так и полисемантические пары слов, значения которых не совпадают частично (так называемые частичные или относительные омонимы), что вполне оправдано на фоне массивированной демонстрации отличий, например: **болычка** – *bolączka*, **гроб** – *grób*, **плотно** – *piętno*, **час** – *czas*; **выжить** – *wyżyć*, **заставить** – *zastawić*, **топить** – *topić*; **противный** – *przeciwny*, **скорый** – *skóry* и т.п. Данная классификация (т.е. полные/неполные) отличается от традиционной (т.е. внутриязыковой омонимии – см. Малаховский (Смирницкий, Виноградов).

Внутриязыковые омонимы снабжаются цифровым указателем и разрабатываются в разных словарных статьях, например: *рус.* ИКРА I, II; ЧАСОВОЙ I, II, III; *польск.* CELNY I, II; ZAWÓD I, II, III и т.д.

Словник описываемого словаря включает около 1350 пар русско-польских омонимов/паронимов, полученных в результате выборки из двуязычных переводных и толковых словарей русского и польского языков, список которых прилагается.

До сих пор мы обсуждали вопрос отбора лексики в дифференциальный словарь, т.е. его макроструктуру. Следует определить и некоторые микроструктурные параметры дифференциального словаря, в частности, построение словарной статьи (§ 5). Рассмотрим общие принципы, которые реализуются в каждой конкретной статье.

В организации статьи следует различать форму и содержание. Что касается формы, то вопрос сводится к разработке такой структуры статьи, которая бы показывала постепенный переход от языка-системы к речевой реализации. Поэтому для каждого значения обычно выявляется несколько „слов”: а) общий внеконтекстуальный перевод заглавного слова в данном значении; б) более частные переводы, сопровождаемые пояснениями на языке пользователя; в) примеры, в которых заглавное слово переводится приведенными эквивалентами; г) краткие ситуативные высказывания, в которых перевод может значительно отступать от всех эквивалентов и определяется в первую очередь ситуацией.

Перейдем теперь к лексикографическим параметрам словарной статьи РПС. Каждая статья состоит из двух частей: русской и польской. В первой части раскрывается семантика русского слова, во второй – его омонима/паронима в польском. Полная словарная статья включает в себя следующие компоненты: 1. русское заголовочное слово, грамматическая характеристика, экспрессивно-стилистическая характеристика, польские переводы (эквиваленты), контексты-иллюстрации и их перевод на польский язык; 2. польское заголовочное слово, грамматическая характеристика, экспрессивно-стилистическая характеристика, русские переводы (эквиваленты), контексты-иллюстрации и их перевод на русский язык.

Изменяемые части речи приводятся в исходной форме. Для существительных, прилагательных, местоимений и причастий указан род, а для глаголов вид. Неизменяемые слова (наречия, частицы и союзы) снабжаются частеречной характеристикой: **БЕСПЕЧНО** *przysł.*, **ИМЕННО** *part.*, **ПУСТЬ** 1. *part.*; 2. *spójn.* и т.п.

Способность слова управлять другими словами показана с помощью вопросительных слов *кто, что/кто, со*, набранных курсивом: **ПИТАТЬ** *ndk* 1. *kogo (что)*; 2. *что чем*; 3. *что к кому-чему*; **РУТАĆ** *несов. kogo o kogo, o co*; **КРУШЕНИЕ** *n czego*; **KRUSZENIE** *cp. czego*.

За этими сведениями следует стилистическая характеристика слова (стилинические пометы) и указания на особенности его употребления в речи (если они имеются). Активный словарь нуждается в разработанной системе стилистических и страноведческих помет, позволяющих читателю правильно употребить синоним. Стилистическая характеристика дается по разным параметрам: актуальности/неактуальности, профессиональной специализации, сфере функционирования, и т.д. Пометы и объяснения, относящиеся к русским словам, даются по-польски, к польским – по-русски.

Основой построения словарной статьи и деления слова на значения является семантика русских и польских заголовочных слов, образующих омонимическую пару. Порядок значений слова внутри словарной статьи определяется частотой употребления, стилистической окраской и сферой употребления. В случае многозначных слов отдельные значения отмечены арабскими цифрами. На первом месте даны главные значения, затем переносные, стилистически окрашенные (включая жаргонизмы, вулгаризмы, эвфемизмы, устаревшие или устаревающие слова и т.д.), а также специальные термины.

Польские эквиваленты русского слова (и, соответственно, русские эквиваленты польского слова) или его значения располагаются в следующем порядке: сначала дается самый общий эквивалент, подходящий для наибольшего числа контекстов, а затем следуют параллели с более ограниченной сферой употребления. Синонимические эквиваленты и аналоги, отражающие очень близкие значения отделены друг от друга запятой; более далекие по смыслу разделяются точкой с запятой: *рус. ДРЯНЬ* *ż* 1. *rol. zbior. (coś niepotrzebnego) śmiecie, paskudztwo; chlām; dziadostwo; ЛЕКЦИЯ* *z wykład; odczyt, prelekcja; ЛИХОЙ* *II m dziarski, zawadiacki, chwacki; zwinny, sprawny; пол. NAMIOT* *м. палатка; шатёр; DUCHOWY* *м. духовный; душевный; NAPRAWIĆ* *сов./NAPRAWIAĆ* *несов. со* 1. *починить, отремонтировать, исправить; наладить что*.

Словарь активного типа должен „разговаривать” с читателем; лексикограф не должен скупиться на пояснения. Эти пояснения полностью прагматичны, они не имеют постоянной формы и их назначение – дать намек на сферу использования русского (или

польского) эквивалента. Это может быть русский (или польский) синоним, глагол или прилагательное, употребляемое с данным существительным и т.п.

Необходимы и пояснения грамматического характера *blp / tylko mn / и т.п.* Напомним, что пояснения даются на языке читателя, так что никакой тавтологии не получается.

Если русское (или польское) заголовочное слово не имеет точного эквивалента – дается толкование и, по мере необходимости, пояснение (в круглых скобках курсивом): *рус. НАМЁТ m 1. posp. naniesiona warstwa (czegoś); НАРТЫ lm wąskie drewniane sanie (do psich lub jelenich zaprzęgów); пол. ISKAĆ несов. со прот. вылавливать насекомых, избавляться от насекомых; NAŁÓG m. 1. вредный для здоровья навяз, болезненное пристрастие (к употреблению спиртных напитков, к табакокурению, к наркотикам и т.п.); вредная (дурная) привычка.*

В тех случаях, когда русское или польское заголовочное слово самостоятельно не употребляется или употребляется исключительно в устойчивых сочетаниях, оно снабжается соответствующим квалификатором (с пояснением), после которого приводится это сочетание с переводом: *рус. ДРУЖКА z II pot. (jedynie w zw. fraz.) ◇ друг дружку; друг дружке; друг с дружкой; друг о дружке; друг за дружкой itp. nawzajem, jeden drugiemu; ze sobą; jeden za drugim, jeden po drugim, po sobie itd.; КОРЧИТЬ ndk (tylko w zw. fraz.) pot. 2. ◇ корчить гримасы (рожи) ◇ robić (stroić) mi-ny; wykrzywiać się; пол. PASTWA жс. устар. (только во фраз. сочет.) ◇ na pastwę losu; na pastwę kociuś, czemuś ◇ на произвол судьбы; на съедение кому-л.; ZABÓJ m. (только в выражении: ◇ разг. na zabój) сильно, безумно, страшно; ◇ без памяти.*

В §6 данной главы даются рекомендации по отбору иллюстративного материала. Каждая статья проиллюстрирована примерами, взятыми преимущественно из русских и польских толковых и двуязычных переводных (в том числе и специальных) словарей. В отдельных случаях приводятся собственные записи. Контексты-иллюстрации дают пользователю конкретное представление о диапазоне употребительности того или иного слова в обоих языках, позволяют обозначить сочетаемость и стилистическую окраску сопоставляемых слов. В тех случаях, когда одно из слов выражения допускает замену синонимами, эти синонимы приводятся в круглых скобках, например: *рус. Получить информацию (сообщение, сведения); Преднаменование (предвестие) беды, катаклизма грозы (бури); пол. Okazać (wyświadczyć) komuś uprzejmość (przysługę, grzeczność); Mam teraz pracy (roboty) od groma (kupę, pełno, po uszy, po same uszy, powyżej uszu) и т.д.*

В квадратных скобках помещается слово, которое факультативно в составе данного выражения, например: *рус. В семь [часов] утра; Забыть [про] свои обязанности; пол. O [godzinie] siódmej rano; Nie wiedziałem, że z niego [jest] taki próżniak и т.п.*

В качестве иллюстративного материала в Словаре представлена также фразеология в широком смысле этого термина, т.е. устойчивые словосочетания различного типа: сравнения (*глуп как пробка – głupi jak biał, как часы*), разноструктурная идиоматика (*без околнностей, лежать под студом, z okładem*), паремия (*Не боги горшки обжигают; Jedna jaskółka nie czyni wiosny*), фразематика, т.е. крылатые слова и афоризмы (*египетская тьма, избиение младенцев, burza w szklance wody, puszcza Pandory*) и т.п. Омонимические отношения здесь формируются на основе омонимии лексической (как гомогенной так и гетерогенной).

Такой материал, так же как и лексический, несомненно расширяет славянический кругозор читателя. Отсюда стремление как можно полнее использовать в данном словаре в качестве иллюстраций русскую и польскую фразеологию.

Фразеологические обороты приводятся в словарных статьях на все слова, которые в них входят. Варьируемые компоненты даются в круглых скобках: *рус.* \diamond **Резать** (говорить) правду-матку; Гордый (важный) как павлин; Как (будто, точно, словно) с луны свалился (упал); *пол.* \diamond **Rąbać (wygarniać) słowa prawdy**; **Wyjść** (wymknąć się) *po angielsku*; **Zamknąć (trzymać) gębę (buzię) na kłódkę** и т.д.

Факультативные компоненты фразеологизма даются в квадратных скобках: *рус.* \diamond **У мужика [есть] голова на плечах**; **С [высоты] птичьего полета**; **Корчить [из себя] дурака**; *пол.* \diamond **Dać komuś [święty] spokój**; **Pogoda pod [zdechłym] psem**; **Dobrać się [jak] w korcu maku** и т.п.

Так же как заголовочные слова, устойчивые сочетания имеют при себе функциональные и стилистические пометы, а также вопросительные слова, характеризующие управление: *рус.* \diamond *posp.* **Жаба душит** (давит) *кого-л.*; \diamond *przesł. posp.* **При живности** *кого-л.*, *чьей-л.*; *пол.* \diamond *ustar.* **Rzucić (wydać) kogoś, coś na pastwę**; **na pastwę komuś, czemuś**; \diamond *разг.* **Weiskać (wstawiać) komuś kit**.

Дифференцированию фразеологии (равно как и лексики) двух родственных языков помогает и стилистическая характеристика по разным параметрам: актуальности – неактуальности, сфере функционирования, профессиональной специализации, эвфемизации и др.

Описываемые в словаре межъязыковые омонимы детально характеризуются также и *грамматически* в § 7 3-й главы. При этом традиционно маркируются грамматическими пометами вокабульные слова.

Составленный нами *Русско-польский словарь межъязыковых омонимов* представляет собой объемистый материальный корпус, отражающий „взрывоопасную” зону русско-польского языкового взаимодействия. Словарь адресован в первую очередь студентам, изучающим русский язык, переводчикам и широкому кругу читателей, интересующихся славянскими языками. Многие омонимические пары, зафиксированные и дефинированные в *Словаре*, являют собой трудные случаи освоения русского языка поляками (и наоборот), ибо искус языкового родства, как показывает практика преподавания, постоянно толкает и переводчика, и студента или учащегося, на ложную идентификацию „чужого” на основе „своего”. Нужно подчеркнуть, что выявление и описание такого рода омонимических пар, изучение семантической специфики межъязыковых омонимов как на лексемном, так и на фразеологическом уровнях необходимо не только для диагностики потенциальных ошибок, но и для практики обучения русскому и польскому языкам в качестве креативного дидактического материала. Любопытны своим эффектом „семантической неожиданности”, в частности, такие пары: *последки* – *pośladki*, *сопли* – *sople*, *качка* – *kaczka*, *кеды* – *kiedy*, *погреб* – *pogrzeb*, *тлен* – *ulen*, *уродливый* – *urodzliwy*, *ссаки* – *ssaki*; *пукать* – *pukać*, *зажигать* – *zarzucać*, *положиться на кого-л.* – *położyć się na kogoś/na kimś*, словосочетания и фразеологизмы типа: *на щите* – *na szczycie* и т.п. Можно быть уверенным, что именно этот „эффект неожиданности” обратит внимание учащихся на эти лексемы и обеспечит быстрое их освоение. При этом необходимо, на наш взгляд, включить в корпус словаря лексемы и фраземы, отражающие новые понятия, характерные для изменившейся России, насы-

тить словарные статьи разговорным и просторечным материалом, не чураться жаргонизмов, действительно нахлынувших в современную русскую живую и публицистическую речь (*в натуре; быть в заказе* и т.п.). Вышеуказанные рекомендации и пожелания сделают лексикографируемый материал актуальным, без излишнего налета книжной архаики, столь характерной для академических русских словарей.

Для преподавателей же такой материал – благодатная почва для демонстрации исторической близости славянских языков и прихотливости (при всех закономерностях) семантических и стилистических переходов.

И, наконец, словарь может стать базой научных исследований, в частности для типологических и сравнительно-исторических изысканий в области лексической семантики русского и польского языков.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы.

Разнообразие точек зрения, связанных с явлением межъязыковой омонимии и межъязыковой паронимии свидетельствуют о том, что в контрастивной лингвистике до сих пор нет четкого, непротиворечивого определения этих понятий. Термин "межъязыковые омонимы" используется многими исследователями родственных и близкородственных языков для наименования лексических единиц, которые находятся в отношениях формального тождества или частичного формального различия регулярного характера, что обусловлено закономерными соответствиями – фонетическими, морфологическими, графическими.

Рассмотрение типологии межъязыковых русско-польских омонимов и паронимов (которое велось от формы к содержанию), необходимо подчеркнуть, что исследованием обнаружены различные типы межъязыковых соответствий в плане выражения в системе основных частей речи – существительных, прилагательных, наречий и глаголов.

В плане *формального* соответствия русско-польских омонимов в системе знаменательных частей речи были выявлены те же типы, которые характеризуют специфику внутриязыковых омонимов, то есть обнаружены межъязыковые омонимы фонетико-графического, графического и фонетического типов. Что же касается паронимов, то среди них выявлены фонетические и словообразовательные разновидности, различающиеся произношением. Поскольку межъязыковая омонимия тесно связана с явлением смежным – межъязыковой паронимией, то обе названные межъязыковые лексические категории рассматриваются в работе как в аспекте их взаимосвязи, так и в аспекте их различий. Данный подход представляется особенно важным при сопоставлении родственных языков, а также при изучении феномена интерференции.

Как показало исследование, большую часть русско-польских омонимов и паронимов составляют имена существительные. Это объясняется тем, что значительная часть имен существительных сохраняет исходные типологические черты в современных славянских языках. Именно поэтому субстантивные межъязыковые омонимические и паронимические пары чаще всего образуют однокоренные существительные, то есть слова общего происхождения.

Кроме того, анализ формальных отношений между русско-польскими межъязыковыми омонимами позволил выявить специфические черты межъязыковых соответствий двух близкородственных языков в плане выражения.

1. Обнаружено, что проявление формального тождества на фонетико-графическом уровне весьма относительно в связи с фонетическими особенностями сопоставля-

емых языков. Судя по нашему материалу, фонетико-графическое тождество наблюдается в некоторой из словоформ (чаще - начальной в каждом из языков).

2. Специфической чертой межъязыковых русско-польских омонимов является то, что среди межъязыковых омографов возможны лексемы, которые не различаются по месту словесного ударения, но при графическом совпадении имеют различия в произношении отдельных звуков, обусловленные спецификой орфоэпии каждого из языков.

3. Межъязыковым русско-польским омонимам присуща в ряде случаев определенная системность в соотношении деривационных моделей. Так, некоторые производные русско-польские омонимы сохраняют омонимию производящих основ, образуя, таким образом, "омонимичные гнезда".

Структурно-словообразовательный анализ в системе знаменательных частей речи показал, что при сопоставлении межъязыковых паронимичных пар близкородственных языков на первый план выдвигается фонетический аспект. Как показывают наблюдения, в сфере межъязыковой паронимии наиболее распространенными являются три типа формальных отношений: 1) межъязыковые русско-польские паронимы с идентичной основой и разными формантами; 2) межъязыковые русско-польские паронимы с разными по звучанию основами и идентичными формантами; 3) межъязыковые русско-польские паронимы с разными по звучанию и написанию основами и формантами.

Самую многочисленную группу межъязыковых паронимов, по нашим данным, составляют слова из класса глаголов, что во многом определяется различиями финалий глагольного инфинитива в русском и польском языках.

Итак, результаты исследования плана выражения показали, что в области межъязыковой русско-польской омонимии и паронимии выделяются различные комбинации фонетических, графических и морфологических соответствий: от соответствия, представляющего собой максимальное сходство (особенно в случае фонетико-графической омонимии) до отдаленного звукового сходства, что характерно для некоторых видов паронимов.

Анализ семантических отношений в сфере межъязыковой омонимии и паронимии позволил выявить две основные причины расхождения семантики слов русского и польского языков:

- расхождение этимологически тождественных слов (семантическая трансформация значений, расширение/сужение семантических объемов) либо
- конвергентное развитие формы разных по происхождению слов (*случайные омонимы*).

Обобщая результаты формально-семантических исследований межъязыковых русско-польских омонимов и паронимов, можно выделить следующие типы формально-смысловых соответствий:

- 1) формальное тождество/сходство при отсутствии общей части в значениях русского и польского слов (отношения дидьжонкции);
- 2) формальное тождество/сходство при семантическом пересечении значений слов (отношения пересечения ЛЗ);
- 3) формальное тождество/сходство при семантическом включении на уровне слова (отношения включения);
- 4) формальное тождество/сходство при совпадении денотативно-понятийных сем в составе и структуре коннотата.

Помимо собственно семантических различий, между русско-польскими лексемами могут существовать более сложные отношения. Они наблюдаются в тех случаях, когда на смысловые несоответствия наслаиваются стилистические и функциональные расхождения. Различия по прагматическому значению являются наиболее значительными в количественном отношении и могут составить предмет самостоятельного изучения в связи с проблемой построения русско-польского словаря омонимов и паронимов и явлением лексико-стилистической интерференции.

Предложенная процедура лексикографического исследования – конечно, не единственно возможная, однако – это открытая система; такое лексикографирование, как мы убедились, чрезвычайно продуктивно прагматически.

Лексикографическое описание межязыковых лексических омонимов на уровне ЛСВ решает многие другие задачи. Таковы, например, совпадение-несовпадение *главных* и *второстепенных* значений, сопоставление различных семантических объемов лексем различных языков, расширение-сужение значений, совпадение-несовпадение стилистических, грамматических и других характеристик.

Регулярность лексических расхождений между двумя языками заставляет рассматривать факты межязыковой омонимии на фоне того общего свойства языка, которое принято называть идиоматичностью, с которой связаны ограничения в возможности перевода с языка на язык. Изучение межязыковой омонимии лишний раз убеждает нас в том, что именно лексика (вместе с фразеологией) составляет наиболее самобытную, „самовитую” часть языка.

Приведенные выше наблюдения и соображения позволяют вывести следующую общую закономерность в сфере сопоставительной, в том числе межславянской, лексикографии: межязыковыми омонимами принято (или желательно) считать слова двух языков, которые существенно сближаются в плане выражения и существенно расходятся в плане содержания. Казалось бы, конкретное решение указанной проблемы (степени схождения и расхождения) зависит в каждом случае только от автора конкретного словаря: от его опыта, целей и принятой им концепции. Но фактически выбор той или иной трактовки межязыковой омонимии соотносится с генеральными путями развития самого языка. Межязыковые омонимы, как правило, возникают либо в результате семантической дивергенции исторически единых лексических основ, либо в результате формальной конвергенции исторически не связанных между собою слов. Соответственно, систематизация омонимов, ориентированная на первую из указанных причин, имеет научный – этимологический или историко-семасиологический – „привкус” (Норман 2004). Вторая же причина появления межязыковых омонимов находит свое лексикографическое оправдание преимущественно в практических потребностях пользователя: необходимо предостеречь учащегося, переводчика, редактора об опасности столкновения с „ложными друзьями”.

Следовательно, двуязычный словарь активного типа – это больше, чем обычный словарь; он должен быть своеобразной энциклопедией языка перевода, способной дать читателю разнообразные необходимые сведения.

Понимая словарь не как инертный объект лексикографического наблюдения, а как живое средство общения, мы предприняли попытку разработать основы словаря межязыковых омонимов *активного типа* (по терминологии Л.В. Щербы) или близкого к нему.

Существенно для описываемого подхода также то, что в его рамках отсутствует абсолютизация границы между словарем языка и его грамматикой, т.е. выдержан *словоцентрический* подход к единице описания.

В неспециализированном, предназначенном для общего пользования двуязычном словаре не обязательно указывать сугубо специальные терминологические значения, а также их малоупотребительные лексико-фразеологические варианты („оттенки значений“, лексико-семантические варианты). Ограничимся поэтому рассмотрением возможностей перевода на польский язык слова в его *основном* значении наиболее близком к основному значению русского, но не совпадающим с ним. Именно такая близость не совпадающих полностью значений легче всего вводит в заблуждение переводчика, лексикографа и, наконец, всякого человека,

Естественно, словарь не может исчерпать всех возможных способов перевода того или иного слова на другой язык, так как многие слова обладают многогранной и до некоторой степени расплывчатой семантикой и приобретают разнообразнейшие смысловые оттенки в различных контекстах. В современном русском (польском) языке контекстуальные связи слова уводят его из той сферы, к которой относится его польский (русский) этимологический коррелят, в сферу другую.

Связь сопоставительного синхронного изучения языков и двуязычной лексикографии кажется очевидной на первый взгляд, хотя первые двуязычные списки слов создавались, когда необходимость систематического сравнения языков еще не осознавалась их составителями. Сравнение современных двуязычных словарей показывает, что достижения конфронтативной лингвистики отражаются в них в недостаточной степени. (см. Wawrzyńczyk 1982). Причины этого лежат в степени развития сопоставительных исследований относительно данной пары языков, в ограниченности самих словарей (их объема и целенаправленности), а также в наличии лакун их теоретического обоснования.

В ходе работы над словарем возникло немало вопросов, решение которых предполагает целенаправленное обращение к результатам сопоставительного изучения русского и польского языков. Именно поэтому предыдущие главы диссертации были посвящены структурно-семантическому анализу этого пласта лексики. С другой стороны, полученные результаты обогащают наше представление о сходствах и различиях сопоставляемых языков.

При отборе лексики словника соблюдались критерии употребительности в стандартном (литературном) языке и критерий прагматической релевантности. По критерию употребительности в стандартном языке исключаются чистые диалектизмы, но, как показал анализ русско-польских омопар, часто русской лексеме с нейтральным (или высоким и т.п.) значением соответствует польская лексема, относящаяся к субстандарту и наоборот. Вместе с тем учитывается высокая динамика развития стандартного языка в XX столетии (например, в него входят и закрепившиеся неологизмы 80-х и 90-х годов), а также влияние нестандартных разновидностей русского языка на стандарт, употребление в стандартных текстах жаргонизмов и слов из народно-разговорного языка.

Таким образом, впервые в большом объеме включены в словник лексические единицы не только стандартного языка и разных специальных языков (терминологий), но и отражены социолекты и т.н. народно-разговорная лексика (просторечие) вплоть до таких центральных (стержневых) лексем мата, чью семантику и стилистическую значи-

мость польский реципиент несомненно должен знать хотя бы пассивно для понимания части современных произведений и текстов СМИ.

Во всех этих случаях критерий употребительности русских словарных единиц должен дополняться принципом контрастивного сравнения (восприятия) с польским языком.

Слова, одновременно живущие в нескольких языках – *интернациональная лексика и собственно заимствования* – нередко оказываются „ложными друзьями” переводчика. Когда в переводимом тексте встречается слово, имеющее этимологическое соответствие в языке перевода, это соответствие обычно сразу же всплывает в памяти переводчика в качестве предполагаемого эквивалента данного слова. Между тем слово, этимологически тождественное определенному слову другого языка, во многих случаях не может служить его эквивалентом при переводе, так как значение, семантическая и синтаксическая сочетаемость и стилистические особенности этимологически тождественных друг другу слов в двух разных языках редко совпадают полностью. Это во всяком случае справедливо в отношении слов нетерминологического характера, а также слов, которые, наряду с терминологическим употреблением, применяются в одном или обоих сопоставляемых языках за пределами специальной терминологии.

Межязыковая омонимия, как мы попытались показать в исследовании, является сложным лингвистическим явлением, отражающим как эволюционные процессы развития соответствующих языковых систем, так и внешние воздействия на эти системы. В образовании русско-польских омонимов ярко отразилась борьба системных и антисистемных тенденций, определяющих динамику лексико-фразеологического состава. Многоаспектное описание результатов таких динамических изменений позволило воссоздать объективную картину сходств и различий лексики и фразеологии близкородственных языков, отразить их в лексикографическом зеркале, а также дать им теоретическую интерпретацию.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Кусаль К.Ч. Русско-польская межязыковая омонимия как лексикографическая проблема (Монография). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005, 183 с.
2. Кусаль К.Ч. Русско-польский словарь межязыковых омонимов // *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*. Wrocław, 2002, 190 с.
3. Кусаль К.Ч. Эвфемизмы в современном польском языке. // *Вестник С.-Петерб. ун-та*. Сер. 2. Вып. 3. 1997. № 16. С. 63-66.
4. Кусаль К.Ч. Жаргонные пословицы и поговорки – традиционное и новаторское. *Crnogorska Akademija Nauka i Umjetnosti* 17. Подгорица, 1999. С.199-204.
5. Kusal K. Семантический анализ русских жаргонных пословиц и поговорок // *Slavica Wratislaviensia*. CIX. 2000. С. 147-152.
6. Kusal K. Фразеология в русско-польском словаре межязыковых омонимов // *Frazeografia słowiańska*. Opole, 2001. С. 373-377.
7. Kusal K. Принципы построения русско-польского словаря межязыковых омонимов // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich* 3. Opis, konfrontacja, przykład. Wrocław, 2002. С. 163-169.

8. Кусаль К.Ч. О работе над словарем русско-польских омонимов // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. СПб.: Изд-во филологич. факультета С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 50-53.
9. Kusal K. Фразеология и межкузыковая омонимия // Słowo. Tekst. Czas, VI. Tezy konferencji „Nowa frazeologia w nowej Europie” (Szczecin 6-7 września 2001 r.). Szczecin, 2001, s.146-147.
10. Кусаль К. Фразеология и межкузыковая омонимия // Słowo. Tekst. Czas. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Nowa frazeologia w nowej Europie” (Szczecin 6-7 września 2001 r., Greifswald 8-9 września 2001 r.). Szczecin-Greifswald, 2002. С. 394-399.
11. Kusal K. Межкузыковая омонимия как лексикографическая проблема. (Содержание и принципы построения русско-польского словаря межкузыковых омонимов) // Jazykovědná rusistika na počátku nového tisíciletí. Brno, 2002. С. 144-155.
12. Kusal K. Русско-польская межкузыковая омонимия в сфере фразеологии // Žmogus ir žodis 6. Svetimosios kalbos. Mokslo darbai. T. 6. Nr 3. Vilnius, 2004. С. 15-20.
13. Kusal K. Русско-польская субстандартная лексика как источник межкузыковой омонимии // Wytaz i zdanie w językach słowiańskich. 5. Opis, konfrontacja, przykład. Wrocław, 2005. С. 155-160.
14. Кусаль К.Ч. Лексикографическое описание как метод изучения межкузыковой омонимии // Материалы XXXIV Международной филологической конференции (С.-Петербург 14-19 марта 2005 г.). СПб.: Изд-во филологич. факультета С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 19-29.
15. Kusal K. Типы семантических отношений в сфере русско-польской межкузыковой омонимии // Žmogus ir žodis 7. Svetimosios kalbos. Mokslo darbai. T. 7. Nr 3. Vilnius, 2005. С. 48-55.

